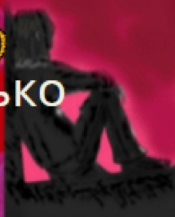
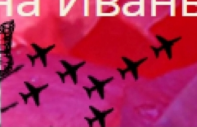
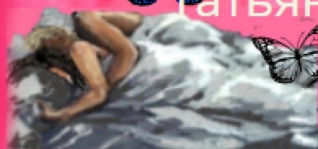
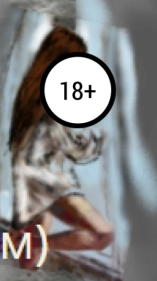

Татьяна Иванько

Миллениум

18+

(Повесть о настоящем)

том 4

Татьяна Вячеславовна Иванько
МилЛЕниум. Повесть
о настоящем. Том 4
Серия «МилЛениум», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42916532

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-95881-4

Аннотация

Абсолютное счастье. Наши герои достигли его, но готовы они к тому, чтобы погрузившись в него с головой, наслаждаться им? Для них это благословение или тоже испытание? Как не совершить трагических ошибок? Герои, претерпевшие столько, прошедшие опасности, преодолевшие столько препятствий к тому, чтобы снова быть вместе, оценят ли то, что получили от судьбы? Или счастье утопит их в себе? Или, оскорблённое, уйдёт навсегда?..

Старые тайны, как гноящиеся раны, в конце концов прорываются наружу или убивают изнутри. Тайна, взрывающая жизнь, как вулкан или землетрясение разрушает то, что было построено с таким трудом и ценой стольких жертв...

Лёля в отчаянии, устав бороться с последствиями прошлых ошибок и обстоятельств, не способная удержаться на краю

пропасти, опустив руки, падает в неё. Сможет ли Лёня быть сильнее своей любимой и спасти её и себя самого.

Содержание

Часть 16	5
Глава 1. Всё иначе...	5
Глава 2. Соперники	27
Глава 3. Объявлена война	40
Глава 4. Тяжёлые времена...	56
Часть 17	72
Глава 1. Как часто слепы ревности глаза...	72
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Татьяна Иванько

МилЛЕниум. Повесть о настоящем. Том 4

Часть 16

Глава 1. Всё иначе...

Осень робко подбирается к городу. Остужает исподволь ночной ветер, темнее закрашивает ночное небо. Запах осени терпкий, как духи старой дамы, суховатый и жёсткий, охлаждает ноздри по утрам. Почему запахи в городе сильнее чувствуешь по утрам?

Моя жизнь изменилась. Я сама изменилась. Я думала, что перемены наступили, когда в Венеции я узнала, что жду ребёнка. Я ошиблась.

Настоящие перемены наступили теперь. Приходить в себя в реанимации роддома было странно, как погружали в наркоз, я не помню, я не помню, потеряла ли я сознание до этого или до операционной дошла сама. Сначала запах хлорки, потом звуки – приглушённый разговор медсестёр на посту, лёгкое постукивание ветки дерева по стеклу, будто кто-то

просит впустить...

И ощущение тела другое, не то, что было когда я ещё чувствовала его, а сейчас я не чувствую почти моего тела. Может быть, его уже нет у меня? Может быть, я умерла и поэтому ничего не чувствую?

Но нет. Нет, я дышу! Я чувствую запахи и слышу, значит, я жива! И свет сквозь веки я вижу, светло. День или яркие лампы, но свет. Я открыла глаза. Сначала только сквозь ресницы я увидела светло-зелёные стены, белый потолок.

Я лежу на спине, и я не задыхаюсь... страх, будто ударил в грудь: ребёнок, нет ребёнка, где ребёнок?! Я резко села, но зрение погасло сразу, и резанула боль через живот, накатила такая тошнота, что я со стоном повалилась опять на кровать.

Голос появился возле меня:

– Куда?! Куда ты, куда спешишь, лежи ещё, пять утра, что скачешь-то? – к моим плечам прикасаются чьи-то руки. – Тошнит? Ну-ну, это от наркоза, пройдёт, вот полотенце, – к губам мне прижимают жестковатую ткань, тоже пахнущую хлоркой. И еще несколько мгновений я не чувствую ничего, кроме выворачивающей рвоты.

– А... ребёнок... мой...мой ребёнок... – у меня дрогнул голос, будто разом высушило горло, но я должна знать! – Где мой сын? – наконец договариваю я, ещё не вижу толком лица медсестры, что стоит возле.

Но её голос улыбается:

– Хороший ребёночек, принесут скоро, не волнуйся, –

мягко говорит она, – а теперь тобой займусь, ты лежи пока.

Я смотрю на капельницу, там кровь в плоском пакете, как Игорю капали, помнится, так я и узнала его группу крови, между прочим, и ещё большая бутылка с прозрачной жидкостью.

Солнце ярко светит в окна пустой реанимации, здесь только я. Но скоро привезли ещё одну женщину из операционной, тоже кесарево сделали. Она спит, ещё долго будет спать, меня уже в палату переведут отсюда, надеюсь.

Я снова закрыла глаза. Дремота овладевает мной, но неглубокая и ненадолго. Я услышала шаги по коридору и открыла глаза. Несут моего ребёнка! На руке привычным, отработанным годами, жестом, сестра принесла мой дорогой свёрток в голубом одеяльце. Я села, но уже не так резко и не так прямо, чтобы не потерять снова силы. Глядя во все глаза, я взяла моего мальчика. Боже мой, какой красивый, какой чудесный малыш...

– Какой маленький! – невольно воскликнула я, любуясь его совершенным личиком.

Но сестра хмыкнула снисходительно:

– Да не маленький, хороший, 3500, доносила бы, все три восьмьсот было бы, не меньше, а то четыре с лишком. Муж здоровый, небось, сама-то худенькая – без улыбки сказала детская сестра. – Хватит любоваться, грудь дай ему, не видишь, голодный?

Мальчик поворачивает личико и морщится, ещё не пла-

чет. Голодный... научусь понимать, должно быть. Прикосновение этого маленького ротика к моей груди, решительное и сильное, потом радостное, когда он с готовностью принялся сосать пока ещё молозиво – божественный бесценный эликсир, в котором концентрат сил для него, для того, чтобы он скорее привык к миру, в который попал, эликсир, который и питает и защищает как ничто другое.

Волна жара проходит по моему телу от того, как сильно и с видимым наслаждением, приподняв длинные тёмные ресницы, он сосёт мою грудь. Мой мальчик, мой дорогой малыш, мой сын. Моя гордость, моё счастье, я ощущала тебя под сердцем, какая радость теперь увидеть тебя. Наконец-то я вижу тебя, моего дорогого бесценного мальчика.

Я могу смотреть на него, не отрываясь... я коснулась кончиком пальца его гладкой, немного бархатной щёчки, ничего прекраснее нет на свете, я не видела никого прекраснее, ничто не ощущала так сильно и так глубоко в себе как горячее и полностью поглощающее, как цунами, как всемирный потоп чувство, что появилось во мне с его появлением. Вот когда изменилась, полностью и навсегда изменилась моя жизнь и я сама.

У меня сильно кружится голова, я держусь, в животе становится больно и боль всё сильнее, правильно работают рефлексы, но в разрезанном животе это вызывает боль, такую, что меня обдаёт жаром, но это не жар блаженства, как перед этим...

Сынок сосёт так жадно, будто этого момента он ждал... так и ждал ведь все девять месяцев... Мой хороший, моё сокровище, мой золотой мальчик. Он заснул потихоньку, выпуская мой сосок из прекрасного плена. Как ты прекрасен, как ты прекрасен! Того, что я испытываю сейчас, я не ожидала, я не думала, что это такое сильное чувство, я не была даже готова к волне счастья, затопившей сейчас меня. Даже боль, что нарастает во мне, я согласна терпеть, только бы продлить, продлить это первое свидание...

– Ну, покушал, вот и хорошо, давай, поехали пока со мной. Ничего, мамаша, налюбуетесь ещё, ещё надоест, как орать начнёт, да спать не давать. Отдыхайте пока.

Его унесли, но я уже другая. Укол погружает в дремоту, стирает боль, но мне уже не тревожно, не страшно, мне так сладко...

Когда я пробудилась в следующий раз, мне позволили встать. Пришла доктор, как её зовут... Ольга Александровна

– Ну, как, Елена? Сына видела?

– Да, спасибо, спасибо вам, вы нас спасли.

– Не за что. Мужа вашего отпустили. Они герои, оказываются, станицу от банды отбили, а вы молчали.

– Не я героиня, не моё дело и болтать.

Она улыбнулась. Погладила меня по плечу:

– Да нет, героиня, вон и раны боевые, билась, как дикий зверь, молодец. Казачка настоящая, даром что приезжая. Но рисковала, а если бы убили?

– Да и так бы убили, уже нечего было бояться, кроме унижения.

Ольга Александровна засмеялась, обнажая крупные белые зубы:

– Вы похожи с вашим мужем, он, по-моему, тоже скорее умрёт, чем уронит достоинство.

Я улыбнулась блаженно, Лёня мой, мой милый, слава Богу, что и здесь обошлось. Теперь вообще всё будет хорошо, столько всего мы прошли, что может быть только хорошо, только счастье.

– Вы его пустите ко мне?

Она всё смеётся:

– Пустим. Мы виноваты, так что придётся исключение сделать, тем более вы оба наши коллеги. Главный врач в курсе, разрешил пускать. Только в палату переведём. У нас платные есть одноместные, вам «по благу» сделаем бесплатно. Грехи искупать надо. Хорошо, что разобрались сразу, не засадили, а то знаете, как бывает...

Я увидел Лёлю утром, Ольга Александровна разбудила меня часов в десять:

– Просыпайтесь, Алексей Кириллович, можете сходить к вашим, шестая палата, и ребят сейчас понесут кормить.

Я сел, сна как не бывало, надо же, и ведь смог заснуть, думал, не удастся... Едва наспех умывшись над треснутой раковиной, я почти побежал к шестой палате, открыл дверь так

поспешно, что не успел подумать о том, что я увижу там, за ней. Лёля сидела на кровати, спустив босые ноги, но они не достают до пола. Я вижу её милые ступни с розовыми пятками и пальчиками, самые изящные на свете, самые красивые ступни... Рубашка сползла с плеча, у груди, перекрывая её от моего взгляда, прижат кулёк, ребёнок, которого я видел и держал на руках раньше его матери.

Лёля подняла голову, улыбнулась, но бледна до цвета молочной бутылки, ни капли румянца ни в щеках, ни в губах, только ставшие чёрными страшные синяки на шее и лице, чёрные корки на опухших губах... на руках бинты уже свежие, скрывают раны.

– Лёня... – улыбка вспыхнула звёздочками в глазах, губах, на щёчках. – Лёничка! – она протянула ко мне руку.

Обнять её сейчас же. Прижаться лицом, грудью, всем существом к ней. Грубая казённая рубашка на ней, она пахнет лекарствами, но сквозь этот запах проступает её собственный волшебный аромат, уже какой-то переменившийся... Малыш не отрывается от её груди, не обращая внимания на наши объятия и поцелуи. Вот и хорошо. Как хорошо. Как славно...

– Митя наш, – сказала Лёля, посвящая меня в отцы этому мальчику, присоединяя к себе и ему.

– Мне показали ещё вчера, подержать дали даже, – сегодня, при свете дня и в Лёлиных руках он выглядит уже как-то иначе будто, ещё красивее, чем вчера.

– На твой день рождения родился, – она освещает своим взглядом мне душу.

– Наверное, так надо было. И здесь, где мы с тобой... всегда были так счастливы.

– Давай развернём, посмотрим? – хихикнула Лёля.

– Он как подарок в обёртке, да? – улыбнулся я, вместо того, чтобы стать какой-нибудь серьёзной тётей, мамашей, Лёля кажется девочкой из детского сада, которой хочется поскорее рассмотреть подаренную новую куклу.

Мы кладём малыша на пеленальный столик, разворачиваем искусно свёрнутое одеяльце, пелёнки. Он смотрит на нас удивлённо, будто хочет спросить: что вам надо? Тельце у него розовое, ладное, пухлые ручки, ножки, пупочек со скрепкой, на головке светлые волосики, едва мы залюбовались его совершенством, поднялся маленький пенис и выпустил приветственную струю весёлым фонтанчиком. Мы засмеялись:

– Вот вам здрасьте, предки! – засмеялись мы.

Он смотрит на нас, переводя взгляд с одного на другого и... Клянусь, он улыбнулся! Такого не бывает, но он улыбнулся! Немного недоумённо как будто и нерешительно, но улыбнулся. Улыбнулся в ответ на наш счастливый и весёлый смех!

Жизнь состоит из хороших и плохих моментов, с Лёлей я всегда будто на ракете, летящей к солнцу, без неё на той, что уносит меня в черноту. Но и в этом полёте к солнцу у

меня, у нас есть необыкновенные, острые моменты счастья. Как сейчас.

– Ну что, молодежь, сможете запеленать, как было? – это зашла детская медсестра, улыбается, глядя на нас. – Через три минуты приду забирать. Вам, мамочка, сейчас капельницу несут, так что пеленайтесь.

Лёля умеет пеленать, завернула, как было и очень быстро, на что Митя стал побряхтывать недовольно, голым ему нравилось куда больше. Малыша унесли, уложив на длинный возок с другими младенцами, всего четыре свёртка, три синих одеяльца, одно розовое. На бирочке на его ручке и той, что приложена в одеяльце, написано: «Легостаева» и число 10. 08. 1999.

Лёле приладили капельницу, я подсел на край кровати. Чуть задрался край рубашки на бёдрах... я приподнял выше... Боже мой, я не видел вчера...

– Ты что? – Лёля хмурится немного, смущаясь моего взгляда, хотела опустить сорочку.

Все её бёдра в страшных синяках и ссадинах... Понимаю, почему все так ненавидели меня, пока подозревали в этом...

– Не надо, Лёня, не смотри.

– Жаль, что я мало убил тех, кто это сделал, – сдавленно проговорил я. – Очень... очень больно?

– Не надо, давай забудем, будто ничего не случилось... будто... просто раньше времени родили здесь, в Пятигорске, райском краю.

Слёзы наполнили её глаза, как легко переходит от счастья к горю, больна совсем. Она протянула мне руки, все в ссадинах, уже засохших, намазанных зелёнкой, ногти обломаны «до мяса». Я обнял её, целуя, осторожно, боясь потревожить иглу от капельницы.

– Вы спасли нас... Если бы не вы... – Лёля зарыдала уже не на шутку.

– Не надо, что ты... – я целую её ладонь, такую маленькую, горячую. – Смотри, как хорошо всё. Разве лучше можно найти места, чтобы родиться? Если только в Крыму ещё...

Лёля смеётся, сквозь слёзы:

– В Крыму другая страна.

– Ну да, всё время забываю... странно это всё до ужаса, да?

Мы болтаем опять, но скоро подступает боль, приходят с уколом наркотика, после которого Лёля задремала. А я долго сидел у неё в ногах, вытянувшись спиной к стене не в силах уйти отсюда.

Надо съездить в Лысогорку, на ночь не оставят ведь здесь, несмотря на весь мой теперешний «блат». Я дождался, пока она проснётся, сняли капельницу, опять принесли Митю кормить. Смотреть на них двоих, объединённых этим трогательным и при этом величественным моментом доставляло мне эстетическое удовольствие. Растрепавшаяся немного коса, спускалась с Лёлиного голого плеча, такого хрупкого, с такой тонкой кожей тоже отмеченной синяком и ссадинами,

её профиль, тонкий гордый... она склонилась к сыну с такой нежностью, прижимая щёку к его личику...

– Я пойду, Лёля, наши в Лысогорке новостей заждались, и... помыться уже пора.

Лёля смеётся:

– Да-да и побриться или твоя прекрасная борода превратиться в рыжую лопату.

– И отцу позвонить, он знает, что Митя родился, но...

– Ты не рассказывай ужасов...

– Стерху позвонить? – Я смотрю на неё. Вряд ли отец позвонит.

У Лёли что-то мелькнуло в глазах, в губах, раздумье, сомнение?

– Не надо. Иначе он примчится сюда, едва ты положишь трубку. Приедем в Москву, тогда я позвоню.

Мне хочется сказать, что я не хочу этого, не хочу, чтобы она когда-нибудь звонила ему, но сейчас не время и не место для этого.

Я зашёл в ординаторскую поблагодарить ещё раз и попросить позволения позвонить в Москву.

– Да-да, Алексей Кириллыч, звоните, конечно. И ещё справку о рождении заберите, можете в ЗАГС сходить, оформить сына.

Отец ответил сразу. Взволнован, но я успокоил его, что с Лёлей всё в порядке.

– Мальчика видел? – спросил он.

– Да, – сказал я, чувствуя, что улыбаюсь. – Он... самый лучший ребёнок на свете.

Я через все эти тысячи километров чувствую, что и отец улыбается:

– Поздравляю тебя, Алексей, как бы ни было, всё равно он твой сын.

– А я тебя.

– Меня?

– С почётным званием дедушки.

Он засмеялся:

– Спасибо, Алёша. Возвращайтесь поскорее.

На следующий день я записал Митю Легостаевым Дмитрием Алексеевичем. Замучаешься ты, Стерх, доказывать своё отцовство теперь. Это тебе моя месть.

К ночи схлынула волна безмятежного счастья, владевшего мной с той секунды, как я взяла Митю на руки впервые. В груди прилило молоко, распирая их колючей болью, сцезивать было невыносимо больно, стали собираться комки, поднялась температура. Слезы накатывали на меня без причин, я плакала ночь за ночью, то во власти страшных воспоминаний, то от жалости к себе, к Мите, к Игорю, к Кириллу, и особенно к Лёне, у которого я украла первенца... Я плакала, вспоминая, как узнала о беременности, как услышала биение его сердца, как зло бабушка Вера говорила про аборт, а мама легко соглашалась, как впервые почувствовала дви-

жения моего мальчика, как меня ранили, каким был Игорь после ранения одного и второго, как Кирилл стоял на коленях посреди Арбата, умоляя подарить ему пару часов любви и как невозможно это стало, как стыдился своего страстного нападения Игорь, как терзали меня звероподобные чудовища, и я готова была к смерти, но не к их вторжению, я плакала, вспоминая как Лёня прижал меня к себе в Н-ске, когда догнал по дороге на вокзал, какая блестела улыбка на его лице, когда он почувствовал Митю в моём животе, как счастливо он смеялся со мной, когда мы развернули нашего мальчика и любовались им вдвоём...

Эта тоска и глупые слёзы душили меня по полночи каждый день. Что это? Нарочно придумано, чтобы не умереть от счастья?..

На выписку бабушка купила самый красивый комплект, какой смогла найти в Пятигорске. Наш изящный, заранее купленный конверт, остался в Москве со всем прочим приданным, но то одеяльце с уголком, что мы покупали с бабушкой Верой, были почти такими же. Перевязали мой дорогой свёрток синей лентой, и отдали мне.

Меня встречали все, кто был тогда в нашем дворе, те, кто покончил с бандитами, только теперь они пришли мирными обывателями, с жёнами и детьми. Это в Лысогорке уже, где через весь двор поставили столы и праздновали рождение Мити. А к роддому приехал Лёня с бабушкой и дедушкой и Виталик с Волковым. Охапки цветов, поцелуи, восхищение

и неподдельная радость окружили меня.

– Дайте посмотреть на Легостаева выпуска последнего года этого века.

– Говорят, последним будет следующий, двухтысячный...

– Тогда придётся вам ещё родить в следующем году! Двадцатый век наш дом! Не отпустим просто так!

Я смотрела на мою внучку. После недели в больнице она такая тонюсенькая без живота, такая бледная, просто восковая, синяки переливаются уже всеми цветами радуги, когда они уезжали мы все их и не видели, а теперь эти засохшие раны на руках, на шее напоминают тот страшный день... Девочка моя маленькая... Малыша взял Лёня, сверкая счастливой улыбкой. Они оба такие юные в эти минуты, будто им не двадцать шесть даже, а семнадцать, как было, когда они были здесь впервые вдвоём...

– Наследник-то копия ты, Лютер! – восклицает Волков.

– Ну не твоей же копией ему быть! – шутит Виталик и тоже заглядывает в одеяльце.

– Лёль, может это клон Лёхин?

– Никаких клонов, у них всё как сто лет назад, не по-модному, да, Лютер?

Я понимаю, что должна выдержать этот праздник, но я чувствую себя совершенно больной, бессильной и безрадостной. Такая слабость владеет мной, душевная больше, чем физическая...

Все радуются и поздравляют, рекой льётся домашнее ви-

но и самогон, куры и гуси на столе, овощи, зелень, молодая картошка, фрукты за угощение никто не почитает. Все веселятся, все счастливы, наше появление с Митей как финальная счастливая точка в ужасной истории, приключившейся в станице в прошлый вторник. Хороший праздник, особенно, будь у меня силы оценить его. Но я его запомнила навсегда.

Ночь не без сюрпризов. В роддоме Митю не оставляли со мной на ночь, так что эта ночь своеобразное боевое крещение и для меня и для Лёни.

– Лёль, у тебя температура, вон губы красные, лежи, я поношу его, укачаю, в роддоме же давала, – сказал он.

– Ты пьяный, Лёня, ещё в косяк врежешься с ним.

– Пьяный, конечно, как сыну пяточки не обмыть? – с шалым весельем говорит он.

– Ну, вот ты и полежи...

– А можно?

– Дурак!

Мы засмеялись вместе над причудами родного языка с его таким похожими и разными звучаниями и значениями слов. Лёня вскоре заснул, Митя тоже, но в приспособленной для него большой корзине спать никак не хочет, к тому же атакуют комары, откуда они взялись, никогда их здесь не было...

Я почти не сплю эту ночь... и следующую, и потом. Тогда мы перебрались опять спать в сад, где корзину-люльку с Митей вешаем на толстый сук. Вот здесь мы спокойно выспались всю ночь, впервые за неделю после роддома.

Звёзды светят на нас сквозь густую крону.

– Почему здесь звёзды не как у нас? И небо ярче.

– Мы в деревне.

– Не-ет, тут другое небо, южное, как запах у воздуха. Вот у нас полынь не растёт, наверное, ещё есть сотни растений, которые здесь растут, а у нас нет... Лёля... – я тянусь к ней руками и губами, хотя и понимаю, что должно быть ещё рано, ещё не время и она не очень здорова ещё, но... я не могу не...

Лёля мягко остановила мои нетерпеливые ладони...

– Лёня... – она выскользнула и из поцелуя. Обняла меня, перехватывая мои пальцы. Но я не могу не хотеть её... я целую её волосы. Я целую её лицо, шею, плечи, губы снова, но и вторая волна стекает, не встретив открытого русла... Боже, Лёля...

– Лёль... ну... пожалуйста...

Во мне желания сейчас столько же, сколько в камне на дороге, я не чувствую ничего своим телом, кроме горячих ежей в грудях, означающих приход молока, потения по ночам, что заставляет меня держать сменную рубашку возле кровати, бесконечного прислушивания к ребёнку и желания спать, ничего больше, ни аппетита, ни желания к Лёне. Я не хочу быть такой каменной с ним...

Он обижается, хотя и делает вид, что это не так... На следующую ночь повторяется то же.

– Лёня, милый... ну, хочешь...

– Не надо... – он отвернулся, – как собаке кость без мяса. Спи...

Бабушка Таня предложила окрестить Митю в местной церкви перед отъездом, мы подхватили эту идею, лучше места не придумать. Да и времени. Виталик, немного смущаясь, что сделало его умилительно симпатичным, вызвался стать Крёстным для нашего мальчика. И я, и Лёня с радостью восприняли его предложение.

В Крёстные мамы пошла сестра Виталика, были, кроме нас вся семья Виталика и Волков, который уезжает с нами в один день только мы на север, а он на восток, в свой Омск.

Красивый древний ритуал в старинной казачьей церкви особенно величественный и в то же время трогательный за душу. Мне становится хорошо здесь, какое-то просветление будто снисходит на меня, слабость и беспричинная грусть, владеющая мной, рассеиваются. Может, это демоны, может быть, и надо было в церковь сходить?..

По дороге домой, Лёня несёт Митю, мирно уснувшего после испытаний Крещением, а мы с бабушкой поотстали немного от мужчин, обсуждающих очередное новое правительство, уже со счёта сбились только за год.

– Лёля, ты... не обижаешь мужа?

– В каком смысле? – я посмотрела на бабушку.

– В том самом, – она делает мне «глаза», – то ночевать с вами в доме невозможно было, а теперь... Учти, он привык в раю пирожные кушать, не помещай его теперь в карцер.

– А то что, налево пойдёт? – я начала закипать.

– Лёля, не много ли испытаний ему? Ребёнок не его, ревновать станет. Подумай.

– И что мне теперь, прикинуться, что я...

– Не мне тебя учить этому, – не улыбаясь, сказала бабушка

Таня. – Быть женой непросто иногда даже с тем, кого любишь больше жизни.

– Ещё скажи, что любовь это труд! – уже открыто злюсь я.

– Ещё какой! Тебе всё слишком легко давалось до сих пор. Подумай, как вести себя. Твой муж, делай, что хочешь с ним, хоть к стене приклей, но подумай, надо ли давать ему поводы чувствовать себя несчастным?

Меня злят эти поучения, как всё сейчас легко выводит из себя... и злят, больше всего, потому что я чувствую, что бабушка права, а я – нет. Эгоизм ли владеет мной или это послеродовая депрессия, гормоны или мысли о том, что из этого рая надо возвратиться в Москву, где Кирилл и Игорь... это придумано всё нарочно, чтобы не сойти с ума от счастья, как было в первый день, когда Митя родился? Я думала, моё счастье будет нарастать, а оно словно погасло, едва запалив фитиль.

Крестины мы отпраздновали в том кругу, которым были в церкви. Лёня выпил слишком много и это тоже злит меня. Хотя я понимаю, что это из-за меня, но этого я злюсь ещё больше. За столом мы поддевали друг друга колкостями и злыми шутками, а когда гости разошлись, то и вообще нача-

ли открыто ссориться. Бабушка Таня попыталась заставить меня промолчать, не поддаваться на Лёнькины пьяные провокации, но я хуже пьяного Лёни, я это понимаю, но ничего не могу поделать с собой.

– Одна спи тогда, я на кухню пойду, может, хоть высплюсь! – Лёня распахнул дверь в спальню, чтобы взять подушку, на тахте в кухне подушек нет.

– Да ты и так выспишься под наркозом самогонным!

– Конечно под наркозом, ты же от своего наркоза никак не отойдёшь, что ж мне делать!?

– Ну, конечно, жена-сука виновата в том, что вы все пьёте!

– Кто все-то? У тебя ещё мужья есть? И много?

– Да не знаю, куда деть, с кем поделиться?! Может, с Олечкой?

Он позеленел от злости, трезвея:

– Ох, и... Стерва! Стерва ты!

– Ты проверь, проверь, может у неё, доброй Оли, всё же твой? Это же не я – стерва!

– Иди к чёрту, пусть тебя тут комары съедят! – выходя, он хлопнул дверью так, что кажется, качнулась тонкая стена.

Но мне опять мало:

– Иди-иди, от твоего амбре все комары сдохнут! – я кричу ему через стену.

– Вот и отлично! – слышу я его удаляющийся крик.

Но через минуту он вдруг вернулся, и взялся за корзинку со спящим Митей.

– Пацана не оставляю тебе, дуре, от твоего молока с ним нехорошее что-нибудь сделается.

– Спятил, дурак пьяный?! Оставь ребёнка! – я даже рот раскрыла от удивления.

– Когда мать дура, дитю один вред!

Я кинулась вырвать корзинку из Лёниных рук, он только отворачивается, отстраняя меня.

– Взбесился, оставь Митю! – удивительно, что Мите самому наш бедлам нипочём, он безмятежно спит, даже не шелхнулся.

– Мой сын, – весомо сказал Лёня, – с отцом спать будет лучше, от моего перегара его комары кусать не станут хотя бы! А от твоего кислого настроения у него изжога будет!

– Есть захочет ночью, что делать будешь?

– Песни петь буду, а утром смеси ему куплю. А тебе, дуре злой, не дам больше, сиди тут одна и злись! – он опять хватанул дверь, так что качнулась хилая стенка.

– Нечего дверями стучать, силы девать некуда, жеребец чёртов! – прокричала я.

– Конечно, некуда, мой табун с кобылами вона, в степь ускакал, щас в Москву приеду, обновлю! – орёт он в ответ уже с крыльца.

Бабушка с дедом весь этот наш концерт сносят терпеливо, и не вмешиваясь за закрытой дверью...

А что ж нам остаётся? Сидим как перед радио, вдвоём и, глядя друг на друга, слушаем, как наш дом едва не разносят

в щепки.

– Может пойти... – вполголоса проговорил Алексей, взглянув на меня.

– Не надо, пусть покричат. Не спят, вот и разорались, – почти шёпотом произнесла я, хотя кто нас услышит сейчас...

– А что не спят? Нельзя что ли?

– Некоторые охладели вдруг – досадливо сказала я, сёрдясь на внучку.

Мой Алексей хмыкнул, качнув головой:

– Бывает... Я бы тоже взбесился. Стервозы вы бабы всё же! – он сверкнул глазами на меня.

– Ну вот вам, здрасьте! – удивилась я, глядя на мужа. – Я при чём?!

– Не могла повлиять на девку? Что она мужу яйца крутит засранка!?

– Пойди, повлияй на неё... да и... тоже понять можно, что пережить-то пришлось.

– Ну и он не семечки в это время лузгал!..

Я посидела на кровати в опустевшей, сразу тихой без Лёни и Мити комнате. Повздыхала, но одной оставаться невозможно. Станица тихая, собак и тех почти нигде не осталось, все ждут, когда оценится сука в дальнем конце, чтобы взять по щенку на двор. Хорошо, что петухи хотя бы есть. Вон наш радостно «отбой» возвестил...

Я выключила свет и пошла на кухню.

Там темно тоже, но фонарь с улицы освещает хорошо через окно, всё как тогда в 90-м, только тогда у нас не было корзинки с ребёнком...

– Лёня... – я села на край тахты. – Лёнь, ты спишь?

– Пришла всё же... Я пьяный, противный... – он повернулся ко мне.

– Ну... я не пьяная, но противная тоже, – я улыбаюсь, не знаю, видит он мою улыбку в полумраке, я его – вижу... – возьмёшь?

– Придётся, уступаю принуждению, – тихо смеётся Лёня, поднимаясь ко мне сразу весь с руками своими нежными, губами...

И мы вернулись всё же в рай всегда бывший здесь для нас...

Но ехать в Москву приходится, а там воздух уже пахнет осенью и остужает ноздри по утрам...

Глава 2. Соперники

Я знал, что Лёля должна приехать в Москву в середине августа. Она не звонила, я стал думать, не позвонить ли мне самому. Так я и сделал, конечно, но, что я получил? Ясно, что ничего, она не ответила. Телефон просто был отключен. Рожать ей на рубеже месяцев, время ещё было. Но я всё же начал нервничать: а не могла ли Лёля сбежать от меня?

Но эту мысль я отмёл. Лёля, как и её ненаглядный Лёня, не была ни хитрой, ни подлой. С такими людьми и легко и тяжело именно потому, что они не лгут, но не прощают и чужой лжи, они не всаживают нож вам в спину, но втыкая в них, попадаешь в себя.

Тогда почему её нет? Или не приехали ещё?.. Интересоваться у профессора Легостаева – было выше моих сил.

Лёля позвонила сама, двадцать седьмого августа утром.
– Это я, Игорь, здравствуй! Ты не занят сегодня?

Было восемь утра, и она подняла меня с постели, в которую я лёг в четыре. Но Лёля всегда звонит мне, когда считает нужным. Не обращая внимания на время суток, может быть, потому что знает, что с утра меня ни в каком офисе не ждут. А может быть, потому что уверена, что её звонок всегда кстати?

Конечно, она уверена на мой счёт... Хорошо это? Не знаю. Но я знаю, что мне приятно, что она относится ко мне как к

человеку, с которым можно не церемониться. Так относятся только к самым близким людям. Поэтому я ответил:

– Для тебя я не занят никогда. Наконец-то звонишь, где ты была столько времени?

– Я расскажу, всё расскажу, Игорёчек! – сказала Лёля, мне показалась, что она улыбается. – Когда можно приехать к тебе?

– Приедешь ко мне? – это уже что-то необыкновенное за последние полгода с тех пор как она ушла всё же к мужу опять. – Да хоть сейчас.

– Кому ты звонишь? – Лёня увидел, как я отключила телефон. – Ему?

– Да, Игорю, – ответила я...

...Мы приехали вчера утром, не застав дома Кирилла, которого не предупредили о приезде. Позвонить возможности не было, да и я не хотела, чтобы он нервничал в ожидании нас троих. Он не может не нервничать, он знает, что родился Митя. Поэтому, когда мы приехали на вокзал, отправились на «Сушу» на такси, вымылись и отдохнули, устроили Митю в кроватке. То ли укачанный в поезде, то ли просто это перемещение в пространстве было испытанием для такого маленького ребёнка, но Митюша спал и прерывался ненадолго только, чтобы поесть.

Кирилл возвращаться с работы не спешил, если обычно он приходил в пять-шесть часов, если не было никаких со-

вещаний или симпозиумов или подобных мероприятий, которыми пестрило его расписание. Когда он не пришёл в половине седьмого, я решила позвонить ему.

Боже, все Боги Олимпа и всех прочих небесных сфер, что я испытал, услышав этот голос! Нежный милый Лёлин голос! Сразу все дни, эти недели, а получилось почти шесть недель, все эти тридцать девять дней, что я провёл один, без неё, без Алёши предстали как потерянные впустую из моей жизни.

Потому что даже работа не ладилась у меня без них. Мысли не шли, залипая друг с другом в конгломераты из которых я не мог вытянуть ни одной путеводной нити. А то, что делалось в моей жизни помимо работы, вообще вызывало во мне только отвращение. Я будто гнался за самыми низкими удовольствиями, стараясь заставить себя не думать, не чувствовать. Разлука с Лёлей стала даваться мне всё труднее. И с Алёшей. Сын стал настолько близок мне, как я не мог и предполагать. Сильнее я люблю только Лёлю.

И вот я слышу Лёлин голос, больше того, я понимаю, что она звонит из Москвы, и говорит, что они приехали, что ждут меня дома. Я понёсся домой на «Сушу» так быстро, как только мог. Мырмоновна изумлённо смерила меня взглядом, когда меня вынесло из моего кабинета и я, кивнув ей, сказал, чтобы она проследила, чтобы всё заперли, как положено.

– Что с тобой, бежишь как за Нобелевской премией, – хмыкнула она.

– Думаю, в Швецию я бы меньше спешил. Алёшка прие-

хал!

– Надо же какой любящий папаша оказался! – услышал я спиной, потому что уже спускался по лестнице.

Лёля открыла мне. Я не мог не обнять её, оторвав от пола, прижимая к себе, такую тоненькую, такую лёгкую, душистую и гибкую, как цветок... Она такой и была или я так соскучился, что она видится и ощущается прекраснее, чем всегда? Или это от того, что я пытаюсь всё время заменить её кем-то?

– Э-э, мне это не очень нравится! – полушутя полусерьёзно сказал Алёша, тоже выходя в переднюю. Я отпустил Лёлю, чтобы обнять сына.

– Ну, наконец-то, с ума можно сойти, вас дожидаясь, черти! – воскликнул я, чувствуя, как радостные слёзы просятся из-под век, не хватало ещё расплакаться как старый склеротик... – Что же вы... где малыш? Митя?

Они улыбаются одинаковой улыбкой, улыбкой одной на двоих:

– Митя.

И маячат, зовут в комнату, их новую комнату, куда невыносимо было заходить без них...

Боже мой... В прелестной белой кроватке без одеялец, в комбинезончике из серо-голубого велюра, совсем крошечный малыш, неправдоподобно маленький и настолько же неправдоподобно красивый, будто это не человеческий младенец, а чудный ангел...

– Боже, Лёля... – прошептал я. И вдруг я понимаю, что

он не просто прекрасен, но что его личико знакомо мне – он похож не маленького Алёшу...

– Алёшка, копия твоя! – вырвалось из меня.

Алексей гордо засмеялся. Он его отец. Он, кто точно знает, что физически не может быть его отцом. Он уже чувствует себя его отцом! Он стал им. Он уже взял это на себя, он выпустил сына в своё сердце, в свою душу и не важна ему его кровь, как и мне в эти секунды перестаёт быть важна. Я думал об этом семь с половиной месяцев с самого января и до этой минуты, как увидел его.

А когда Лёля подала его мне, улыбаясь, светя своим сказочным лицом, своими глазами, моё сердце заполнилось такой безграничной нежностью, на которую до сих пор, кажется, ещё не было способно. Я взял мальчика на руки, удивительно, я не разучился держать новорожденных детей, наверное, это то, что один раз приходя, уже не уходит.

Он такой маленький и тёплый, такой поразительно мягкий, гибкий и подвижный, будто в нём и косточек никаких нет... Он вздохнул, чуть-чуть разогнул маленькие длинные пальчики... Боже мой, настоящий ребёнок, наш малыш, наш чудный мальчик! Твой, Лёля, а значит и мой, потому что ты моя.

Видеть, как Кирилл держит нашего сына на руках, было необычайно волнительно. Кроме того гордость наполнила моё сердце. Я хотела видеть его лицо, когда он возьмёт Митю на руки, мне хотелось увидеть, что он готов был по-

любить его ещё до того как увидел. Потому что он мой? Я хочу увидеть глаза Кирилла при этом, он ищет свои черты в ребёнке или это уже не имеет значения для него? Хотя, как это может не иметь значения?

Чего я хочу? Похоже, мой эгоцентризм смотрит сейчас моими глазами. Их любовь избаловала меня, и я хочу, чтобы и Кирилл, вслед за Лёней полюбил моего сына только за то, что это мой ребёнок? Но я хочу этого для себя или для них? Для этих самых дорогих для меня на свете людей.

Мы празднуем, конечно, с Кириллом рождение Мити, мужчины пьют вино, я пригубила тоже. Ужин мы с Лёней приготовили, поджидая Кирилла, и они с аппетитом поглощают его: жареного гуся, что мы привезли с собой из бабушкиных домашних гусей, тех, кого не постреляли десятого августа. Не сговариваясь, мы решили в первый день не сообщать Кириллу о том, что было с нами там. Расскажем при случае как-нибудь. День заканчивается замечательно, и ночь проходит очень спокойно. Поэтому утром я встаю вместе со всеми, вполне выспавшейся. Пока Лёня и Кирилл умывались и готовили завтрак, я занялась проснувшимся Митюшей. Чистый и сытый Митя уснул без всякого плача, после чего я вышла, чтобы позвонить Игорю.

Почему у Лёни такое лицо, когда он узнаёт, кому я звонила?

– Я против, – говорит Лёня низким и твёрдым голосом, и лицо его становится серьёзным и жёстким, сразу каким-то

взрослым.

Я не верю своим ушам.

– Как это... Лёня... да ты что?!

– Я сказал, Лёля, я против. Митя – мой сын и никакой мудацкий Стерх его не получит! – его взгляд сейчас твёрже стали.

– Так нельзя...

– Ему было можно сделать то, что он сделал...

– Лёня, что он сделал? Разве мы не получили оба по заслугам тогда? Я легко поверила в то, что ты лжёшь мне, а ты не за своё ли отношение заплатил? Не ко мне, но к той же Оле?! Ведь то, что она не от тебя оказалась беременна всего лишь случайность. А сколько таких Оль у тебя было?!

Нет, эти весомые, как мне казалось, аргументы не подействовали, он говорит убеждённо и уверенно. Очевидно, он давно задумал сказать то, что говорит сейчас.

– Может быть. Может быть, я получил по заслугам... Хотя ту казнь, что он мне выбрал, я думаю, я всё же не заслужил, – Лёня прошёл мне за спину к окну кухни, будто рассуждая. – Но пусть так. Но чем твой Стерх заслужил Митю? Тем, что вовремя тебя трахнул?! – он побледнел даже губами при последних словах, а для меня они как пощёчина...

– Замолчи!

– Да не стану я молчать! Ты собираешься у меня отнять сына, а я должен спокойно смотреть на это? Ты собираешься встретиться со Стерхом, чтобы он ещё одного ребёнка сделал

тебе? Может быть, тебе это нравится больше, чем со мной...

– Замолчи! Замолчи! – уже закричала я, он обезумел?

– Что тут у вас? – на кухню вошёл Кирилл, привлечённый нашими громкими голосами.

– Сдурела, вот, что у нас! – рыкнул Лёня, кивнув на меня. – К Стерху Митю отвезти собралась!

– Ты... ты же договаривался с ним! Ты сам говорил... – беспомощно лепечу я. Что же это такое?..

– Говорил. Но это было до того, как вы чуть не умерли, а меня чуть не посадили за твоё убийство! Так что всё имеет цену. Я свою заплатил, и на Стерха и его непонятные для меня права мне плевать!

Кирилл изумлённо открыл рот при словах Лёни о тюрьме и прочем:

– Что... что там было?

– Это неважно сейчас! – огрызнулся Лёня. И опять посмотрел на меня: – Никуда не пойдёшь! Я тебе запрещаю с ним встречаться!

– Тогда он сам встретится с ней, – весомо говорит Кирилл. – Ты этого хочешь? Чтобы они встречались втайне от тебя? – он смотрит на Лёню. – Он считает Митю своим, и он не отступится. Не стоит вновь спорить о том, о чём вы спорили уже... – Кирилл опустил на табуретку. – И лучше рассказать мне нормально, что произошло там.

Лёня был вынужден замолчать, Кирилл говорит здраво и, хотя Лёню не устраивают прежние договорённости со Стер-

хом, он перестаёт сейчас требовать невозможного:

– Ладно, мы поедem к нему вместе, как тогда, – спокойнее проговорил он.

– Нет... – вылетел мой выдох...

– Нет – да! – опять вскричал Лёня, – иначе я буду считать, что ты с ним спишь!

– Ты что дурак?!.. Чёртов дурак и псих! Псих!.. Вот псих!

– Да нет, дураком я был, когда позволил тебе опять к нему сбежать! А теперь ты ко мне привязана, никуда не пойдёшь с моим сыном, поняла? Хочешь идти к Стерху, вали, но Митя останется дома!

– Припадочный!

– Алексей, он в суд подаст и добьётся совместной опеки, если докажет своё генетическое отцовство, тебе надо это? – Кирилл смотрит на него спокойно и строго.

Я опустилась на стул, почувствовав, как кровь отлила от лица: мне стало плохо от одной мысли, что станут делать ДНК и может выясниться, что отец Мити Кирилл... Он, поэтому и заговорил об этом, что сам до ужаса боится, что Лёня узнает правду о нас.

Лёня посмотрел на него:

– Что... это возможно? – снизив голос и хмурясь, произнёс он.

– Отпусти её, пусть покажет сына, а потом решите с ним, – взвешенно говорит Кирилл. – Но... лучше ты реши, Лёля. Тебя Стерх услышит.

– Я? Что же я... – я посмотрела на бледного Кирилла. – Господи...

– Если он увидит его, уже не отдаст! – сказал Лёня. Потом посмотрел на отца: – Ты вот можешь теперь отказаться от Мити?.. Я укачиваю его на руках семнадцать дней, и я отдам чужому мужику моего ребёнка? Ребёнка, которого я увидел раньше, чем его мать?! Который родился в мой день рождения? Которому я не дал погибнуть? Я! Я не он! – я вижу, он свирепеет всё больше. – А он что сделал?! Что сделал он? Спал с ней? Он кончил, и на этом основании у него права? Отлично устроились!

– Не смей говорить обо мне в третьем лице! – взбеленилась я, подскакивая со стула.

– Нечего орать! – сам орёт Лёня. – Не пойдёшь ты к нему, хватит идиота из меня делать! Придумала себе законное основание его видеть!

Я хотела бы быть спокойной и здраво рассуждать, но меня задевает и обижает то, что он говорит, поэтому и я теряю контроль:

– Да если бы! Если бы мне надо было видеть его, я бы виделась с ним каждый день! Я бы вообще с ним жила, да и всё! Но сейчас ты злишься по другой причине! – я тычу пальцем в него. – И не превращай свою неудовлетворённость в праведный гнев оскорблённого отца!

У Лёни полыхнули щёки и лоб и даже виски:

– Ну, стерва! Проклятушая шлюха! Ты и не спишь со

мной, потому что хочешь к нему скорее! – заорал Лёня, краснея даже шеей.

А я с размаху кулаком двинула ему в лицо, даже не знаю, куда попала, потому что в руке у меня что-то хрустнуло и предельно свело кисть. Но сейчас и эта боль только подстёгивает мою злость.

– Ненавижу! – будто трещит моё горло. – Иди, табун свой собирай, пока жена-шлюха пробежится по прежним ухаже-рам! Ненавижу тебя! – я выскочила с кухни.

– Да я уже понял! Могла бы второй раз не повторять! – прокричал Лёня мне вслед, но как-то приглушённо. – Чёрт!..

Нечего и думать, чтобы сейчас взять Митю с собой, во-первых он спит, а во-вторых: меня так трясёт от злости, что я и собрать его сейчас не смогла бы. Поэтому я лишь оделась в одно мгновение и, взяв ключи от Игорева квартиры, вышла прочь, пока Легостаевы оставались на кухне.

Оставались, конечно, потому что у Алёшки из разбитого носа шла кровь.

– Научилась драться, паразитка! – шипит Алексей, наклонившись над раковиной. И тут мы услышали, как щёлкнула, открываясь, входная дверь. – Ну, стерва, ещё и сбежала! – он поднимает голову, кровь, смешанная с водой заливает ему губы и бороду.

– Зажми ноздри-то, правдоискатель, – говорю я, отрывая кусок бумажного полотенца для него. – Чего ты добился?

Но Алёша, оттолкнув меня, вдруг сорвался с места в переднюю, как был босой и окровавленный, крича на бегу:

– А ну, стой!.. Стой!.. Стой! Нет, не уйдёшь! – он шараянул тяжёлой дверью о стену... ограничитель приделать надо, весь дом разнесут со страстью своей...

Я не успела и двух пролётов пробежать, когда Лёня настиг меня и остановил, рванув к себе за плечи...

Конечно, настиг, мог я позволить ей уйти? Сейчас уйти к нему? Чтобы она со злости... Нет, Лёля, я не позволю тебе больше уйти от меня...

– Иди к чёрту! – взвизгнула она.

– Да щас!..

...Я выхожу из распахнутых дверей. И не один: соседка осторожно приоткрыла дверь и выглядывает.

– Здравсьте, – сказал я, долго глядя на неё, может, поймёт, что ей не стоит подсматривать.

А вот и они... ниже на полтора пролёта Алексей прижал Лёлю к стене и тянется к ней, а она, выставив руки, пытается оттолкнуть его...

В этот миг я услышал детский плач, удивительно, но я сразу понял, что это Митя, будто я ожидал его услышать. Я возвратился в квартиру, к кровати, Митя кричит, подтягивая коленки к животику и стискивая кулачки. Как хорошо, что я могу побыть с ним наедине...

– Иди ко мне, мой хороший, пусть предки помиряются... – я взял его на руки, а он открыл тёмно-синие глаза, пре-

крашая кричать, но толкая меня легонько своими славными ножками.

Я улыбнулся ему, потому что он внимательно и даже заинтересованно будто смотрит на меня, и унёс в свою комнату, ясно, что безумная парочка сейчас ввалится сюда, и я хочу дать им возможность побыть наедине. Это и в моих интересах, Лёлю нельзя выпустить к Стерху, тут Алексей прав, тем более в такой момент, когда она оскорблена и зла.

Митя на моих руках не плачет, продолжая внимательно разглядывать меня.

– Ну, что, мой мальчик, с нашими ребятами не соскучишься. Так что готовься, будем держаться вместе.

Что он сделал в ответ? Трыкнул в подгузник и улыбнулся, будто ожидая, что я сделаю теперь, чем смешит меня ужасно:

– Да ты парень с юмором! – засмеялся я, и понёс его в ванную мыть и менять подгузник. – Это хорошо, в нашей с тобой жизни без смеха не обойтись.

Мне доставляет удовольствие заниматься им, грязный подгузник не может напугать бывшего отца, знающего, что такое подгузники из марли и их стирка... Обнажённый он ещё более прекрасный, чем в своих милых одежках. Он не плачет больше, позволяет надеть на себя и свежий подгузник и одежду. Когда мы с ним вышли из ванной я услышал задышающийся шёпот Алексея, стелющийся по дому:

– Лёлька... Лёлька...

Вот паршивцы, когда приучатся дверь закрывать?..

Глава 3. Объявлена война

Времени уже десять, но уйти я не могу. На моих руках уснул Митя, прижавшись головкой к моей груди. Я позвонил Мымроновне и сказал, что опоздаю.

– Ты... тут министерская комиссия, ты забыл что ли?! – страшным шёпотом говорит она. Я даже лицо её представляю при этом.

– Галя, спасай, я не могу сейчас приехать. Прикрывай.

Какая министерская комиссия, когда мой младший сын уснул у моего сердца?

– Какой ты страшный с этими кровавыми усами, – смеётся Лёля, – как в анекдоте: «убил и съел!», – она прыскает в ладошку.

– Расквасила рожу родному мужу и насмехается ещё! Ты теперь тоже «убил и съел», – я намекаю, что и её перемазал в своей крови, впрочем, всё не только размазалось, но и засохло уже...

Она опять очень тонкая, теперь только вот этот рубец-улыбка остался у неё на животе от беременности... Я посмотрел на кроватку, наш сын спит, за мягкими бортиками его не видно, но тихо, значит спит. Я наклонился к Лёле, медальон качнулся и лёг ей на грудь. – Давай добавим ещё букву сюда, а?

– «Д»? – она взяла медальон в руки.

– Да, маленькую. А потом добавим ещё...

– Много? – смеётся Лёля.

– Три не меньше. Число «4» тебя устроит? Или лучше «5»?

– Иди сюда, «отличник»... – прошептала Лёля, притягивая меня к себе. – Я

люблю тебя...

– Это я люблю тебя!

– Я – больше!

– Поспорим?..

Я был готов к тому, чтобы не входить к ним хоть до завтра, но Митя с этим уже не соглашался. Минут сорок я ещё уговаривал его потерпеть, прохаживаясь с ним на руках взад и вперёд по моей спальне, но скоро он вопил уже надрывно, а родители за закрытыми дверями слышали только друг друга...

– Ну, что, сынок, напомним мамочке о себе, – я открыл двери своей спальни.

– Митя... – выдохнула Лёля.

Она набросила халатик, выйти из спальни, подняла руки к волосам, скрутила в узел кое-как. Как ты прекрасна...

Лёля вышла из спальни, и я встаю, чтобы хотя бы одеться.

Лёля вышла, лохматая и взволнованная, тонкий халатик болтается на её фигурке, смотрит на меня:

– Давно кричит?

– Им полезно покричать, не переживай так, – улыбнулся я, отдавая ей малыша, который на её руках сразу почувствовал её и поворачивает головку к её груди. Чувствует аромат?..

– Спасибо, Кирюшенька, – улыбается Лёля, привычно отворяя халат на груди. С какой жадностью Митя вцепился в неё, сразу с наслаждением смеживая веки и причмокивая, прижав к ней ладошку! И Лёлино лицо при этом, склонённое над ним... Не зря сотни и сотни лет художники вдохновлялись и вдохновляются мадонной... Мне кажется, я не видел этого раньше никогда... Да Не кажется, не видел: ни Наташа, ни Александра не кормили грудью моих сыновей.

Лёля вернулась в спальню, а Алексей вышел.

– Ты умойся, наконец, – сказал я, глядя на него.

Алёша улыбнулся, потёр лицо:

– Ужас?

– Не то слово.

Алёшка смеясь, пошёл в ванную.

– Расскажи теперь о бандитах, что за история? – я, наконец, задал вопрос, который мучил меня всё утро.

Алексей посмотрел на меня, вытираясь:

– История... – проговорил он, расчёсывая мокрую эспаньолку, – на целый боевик.

Мы ушли с ним на кухню, он рассказал, сидя напротив меня через стол, и мне становится понятно, почему моё сердце ныло и рвалось всё то время, пока их не было и особенно в этот самый день. Я стал чувствовать их на расстоянии, рань-

ше я не был способен на это. Раньше я никого не чувствовал. Это значит, я старею или это значит, я люблю?

– Хорошенькое дело... – бормочу я. – Ничего нигде не сообщали... Глухо упоминали в новостях, что участились бандитские вылазки, а это... это же разведка боем настоящая... Они приехали-то на чём?

– На джипах, на чём, не на танках, слава Богу. Хотя я бы не удивился.

– Джипы тоже припрятали, как и арсенал?

– Так, вероятно. Меня не очень интересовало, было чем заниматься.

– Было... и мне ничего, ни слова не сказал!

Алёша смотрит на меня:

– Чего ради? Чтобы ты тут один с ума сходил? Теперь говорю. А тогда... да я и сейчас ещё в себя не пришёл... Правда сейчас кажется, что всё это не с нами было. Рассказываю тебе как какой-то фильм... кошмарный сон.

Я разглядываю его, моего взрослого мальчика, которому в который уже раз выпадают испытания, какие мне даже и не снились. И он выходит из них сильнее, чем был.

– Лёля... очень пострадала, да? – дрогнув, спросил я.

Алёша посмотрел на меня, нахмутив густые светлые брови:

– Она... пострадала так... – сказал Алёша, бледнея, – Так, что... меня ненавидел весь город, пока думали, что это я... Поэтому роды начались... вообще это чудо, что... что они

оба живы. Случайность. Будь плацента расположена иначе, не прижми ребёнок её, при начавшейся отслойке... Ты знаешь, что было бы, ты сам врач... – закончил он, поднимаясь с табурета и включая чайник.

– Так Митя спас и себя и её?

Алёша посмотрел на меня, чуть улыбнувшись:

– Он... он необыкновенный ребёнок, правда? Будто посланец.

– Любой ребёнок посланец, – сказал я, улыбаясь тоже, и думая о нём самом, об Алёше, больше, чем о Мите. – Но ты прав, Митя... Митя, видимо, должен был родиться... – я помолчал немного, раздумывая спросить или опять промолчать. – Алёша... то, что было в Чечне... ты вспоминаешь об этом?

Алексей не вздрогнул, не побледнел, мы слушаем, как шумит, разогреваясь, электрический чайник:

– Вспоминаю? Нет. После того, как... – он сел на стул, вздохнув, посмотрел на меня: – после того как Лёля однажды заставила меня выговориться, уже – нет. И знаешь... она была там со мной. Все мои товарищи смеются надо мной до сих пор, вспоминая, как я звал её во сне... каждую ночь.

– Н-да... Лёля... – проговорил я, отодвигаясь от стола и, расправив напряжённые до сих пор от его рассказа плечи, опираюсь о стену.

– Ты... любишь её? – неожиданно спросил он, продолжая смотреть на меня. – До сих пор её любишь?

– До сих пор? – усмехнулся я, скользнув глазами по нему. Как будто можно разлюбить... – Я поеду на кафедру. Не ссорьтесь больше?

– Ты не ответил, – Алексей нахмурился, глядя на меня.

– Не надо.

– Я должен знать, – настаивает он.

– А чего ты не знаешь? – я смотрю на него уже открыто и прямо, мне нечего стесняться сейчас. – Я не соперник тебе.

Отец уехал на работу. «Не соперник», как бы ни так... Я слишком хорошо помню, как тогда он целовал её, и как она в ответ целовала его. Всего три года прошло. Вопрос о Чечне всколыхнул во мне это воспоминание? Или опять наползающая на меня чёрной тучей ревность? Теперь, когда родился Митя, когда Лёля не беременна больше...

Я заглянул в спальню. Лёля задремала, обнимая тоже спящего Митю. Она, как река огибает его, закругляясь вокруг малыша своим телом. Я укрыл их пледом и вышел. Надо сходить в магазин, купить продуктов на ужин. Сегодня пятница, в понедельник мне на работу. Размышляя об этом, я пошёл на кухню опять, посмотреть, что там есть из продуктов и что надо купить...

Но не успел я переодеться, как чей-то звонок в дверь передёрнул тишину квартиры. Странно, кто бы это мог быть, к нам мало кто ходил. Я открыл дверь. На меня смотрит Стерх, сверкая огромными глазами миллионлетнего льда.

– Ты?! – от удивления его наглой уверенностью я едва не

онемел.

– Где Лёля?

Как мне хочется убить его! Прямо теперь же, что-нибудь сделать, чтобы его никогда не было.

– Какого хрена тебе надо?! – от гнева у меня даже горло перехватило.

Он вошёл, не дожидаясь позволения.

– Не надо сверкать на меня глазами, я «люблю» тебя так же сильно, как ты меня. Где Лёля? Она позвонила больше трёх часов назад и сказала, что выходит ко мне...

– Ты охренел, являешься в мой дом к моей жене... – я ошеломлён его уверенной наглостью больше даже, чем его вторжением.

– Это дом твоего отца, не твой. И насчёт жены мы тоже ещё можем поспорить, – спокойно говорит он, хотя вижу, как он бледен от волнения. – Хочешь, я покажу тебе свидетельство о расторжении вашего с ней брака?.. Так что не выделывайся и скажи, где Лёля? Или опять бросила тебя? Ушла к папаше твоему хитрому? – он усмехается, но для меня очевидно, как он напряжён, ему совсем не до веселья. – Кстати то, что ты так много говоришь о хрене, означает, до какой степени ты неудовлетворён, – добавляет он, будто, между прочим.

Сволочь... Ну, как не хотеть убить его?!

– Что тебе надо?

Но в этот момент Лёля сама появилась в коридоре и, уви-

дев Стерха, удивлённо произнесла его имя. Видели бы вы его лицо при этом! Моё сердце дрогнуло, смягчаясь, такая поразительная и изумляющая перемена произошла с ним, в глазах вспыхнул свет, жёстко сложенные губы приоткрылись, и стало очевидно, что у него мягкий рот. Боже ты мой, я ещё не видел, как у кого-то за одно мгновение так менялось лицо... Человек, который так любит, опаснее чумы для меня, тем более что Митя... Чёрт! Чёрт! Чёрт! Где те времена, когда никто не видел, что Лёля самая прекрасная девочка на земле?! Откуда они набрались все в нашей жизни и все протискиваются между нами...

– Что случилось, Лёля?! – бледнея ещё больше, спросил он.

– Боже мой, Игорь... нет-нет, не надо пугаться, – Лёля поднимает руки, будто уговаривая вооружённого человека не стрелять, – Митюша родился и всё. Всё хорошо.

– Хорошо?! Митя родился, и ты ничего не сказала?..

– Мы приехали только вчера. Он родился там, на Кавказе.

– Он... здесь? – дрогнув, произнёс он.

Я не могу помешать ему. Я не могу не позволить увидеть Митю. Сейчас я ничем не могу помешать. И почему оба раза я должен был спасти ему жизнь?..

Но и оставить их наедине я не могу. Нет, хватит этого с меня. И, хотя я чувствую себя подглядывающим, я не отхожу ни на минуту.

...Конечно, я приехал сюда. Как я мог поступить иначе? Я

был напуган, что произошло что-то с ней по дороге. И хотя ничто и никто теперь не должны были ей угрожать, всё же...

И вот я вижу Лёлю в конце большого коридора в этой огромной квартире. Лёлю без живота, худенькую и бледную в этом смешном халатике в цветочек и в маленьких тапочках, маленькое личико, волосы в полураспущенной косе... Она улыбнулась, открывая дверь, возле которой стояла:

– Подожди здесь, Игорёчек...

...Спасибо, что ты хотя бы не впускаешь его в нашу спальню. Или ты не хочешь, чтобы он видел переворошённую кровать?.. «Игорёчек»! Твою мать!.. Я в смятении. Я не знаю, что мне делать. Лёля! Лёля, что ты сделала со мной, как мог он появиться между нами...

Она вышла из спальни с Митей на руках, завёрнутым в мягкий детский пледик из тех, что мы покупали с её родными.

– Это... – у Стерха такое лицо, будто он инопланетянина увидел.

...Лёля подошла ко мне с нашим сыном, она смотрит на меня и улыбка её... я ещё не видел у неё такой улыбки никогда. Если она не любит меня в этот момент, то и солнце никогда не светило на землю, и никогда не распускались на ней весенние цветы, никогда не таяли снега и не текли ручьи между оседающих сугробов...

Мой сын, такой маленький и такой красивый, спокойно спит, смежив длинные тёмные ресницы...

– Можно... можно мне взять его? – я протянул руки, взглянув на неё.

– Держи как я, головку на локоть, – сказала Лёля, отдавая ему Митю. Моего Митю! Моего сына! Мною выстраданного ребёнка!

– Боже мой... какой он... я не... я ничего не испорчу ему?

– Будешь держать нормально, не испортишь, – сказал мне Легостаев, чтоб ты провалился!

– Когда он родился? – не могу не спросить я, не в силах оторваться взглядом от этого чуда. Я впервые вижу таких маленьких детей так близко, тем более, впервые держу на руках... Он тёплый, необыкновенно мягкий и податливый. А я всегда думал, что младенцы такие же, как и взрослые, только маленького размера... но он вообще необыкновенный, он будто излучает тёплую энергию и я, ощущая это, даже не могу сейчас злиться на этого Легостаева, который так и искрит от бессильной злости.

– Десятого.

– Когда?!.. – у меня потемнело в глазах...

– Десятого. Ты что? – Лёля удивлённо смотрит на меня.

– Где вы были, Лёля?... где именно?!

– Лысогорская станица, под Пятигорском, – произнесла Лёля недоумевая. – Что с тобой?

Со мной? Со мной то, что я знаю, что было там. Вернее, что готовилась бандитская вылазка. Я ещё спорил и говорил, что нельзя сквозь пальцы смотреть и позволять этим джиха-

дистам делать всё, что им вздумается в наших мирных сёлах, что надо останавливать их, ведь мы знали! Знали!

Но мой новый куратор ответил, что нельзя обнаруживать себя и сейчас надо позволить им почувствовать безнаказанность, чтобы они уверовали в неё и заглотили наживку. А там мы прикроем их всех сразу, как мухобойкой...

Может быть, с точки зрения стратегии он и был прав, но я не могу быть стратегом, когда... и это я не знал ещё, что там была Лёля.

Я смотрю на неё, она поймёт, прочтёт всё по мне. Ему я не могу ничего сказать, а она поймёт...

– Ты... – побледнела Лёля.

– Да, – я прервал её, чтобы не было сказано больше. И вдруг она зажала рот ладонью и глаза её заполняются ужасом. Боже мой... мои худшие опасения... – Что было там?

Она затрясла головой, зажимая рот и второй рукой, и слёзы крупными градинами выкатились из её глаз.

...Я с недоумением смотрю на них двоих. Стерх что-то уже знает?! Не понимаю. Я понимаю только, что ей сейчас станет плохо.

– Лёля... Лёль, возьми ребёнка, – тихо сказал я, подойдя к ней, я обнял её за плечи, чувствуя, как она дрожит, я говорю как можно тише и мягче, – возьми и...

Она посмотрела на меня, кивнула и протянула руки за малышом. Получив его, она склонилась к нему и прижала лицо к головке, уходя в спальню назад. А мы смотрели вслед им

двоим.

– Ты... что-то знаешь? – я посмотрел на Стерха.

– Что?.. Седьмого басаевцы на Дагестан напали, это и ты знаешь. Но... О чём? Что ТЫ знаешь? Что было? – он смотрит на меня страшно горящим взглядом, и я не могу понять, что это горит в его взгляде. Ненависть, злость... вина?!

– Что я знаю? – я смотрю на него, я ещё не понимаю, что именно он знает и каким образом, но мне уже представляется, что он и виновен в том, что было в тот день. – Я знаю, что плакать она смогла сейчас в первый раз с того дня. Пришёл целый взвод чеченских бандитов и... словом Лёля и твой сын не погибли по необыкновенной и удивительной случайности.

– Ты... спас их? – беззвучно произнёс Стерх, глядя на меня.

– Я не один был, – я смотрю на него, второе уже потрясение за сегодняшний день совсем выводит из равновесия этого всегда такого хладнокровного, насмешливого даже человека. Я даже смущён этим, честно говоря... – Ты... это... Выпьешь, может? Идём.

Я привёл его на кухню и закрыл обычно всегда открытую дверь. Налил нам обоим водки в рюмки, достал закуски из холодильника: колбасу, сыр, оливки.

– За Митю! – я поднял рюмку.

Он чокнулся рюмкой со мной, выпивая махом, даже не замечая, будто в рюмке вообще ничего не было.

– Спасибо тебе, – проговорил он, опустив руки.

– Тебе не за что меня благодарить.

Он поднял на меня свои необыкновенные, сверкнувшие глаза:

– Мало кого я так ненавижу как тебя, – чётко произносит он. – Но именно тебе я всё время обязан. Что это? Наказание небес?

– Выходит есть за что, – говорю я.

– Да ладно... всех есть за что, – устало говорит он. – Налей ещё что ли?

– Напьюсь?

Он усмехнулся, так же легко махнул вторую рюмку, и, помолчав, спросил:

– Скажи мне, как ты живёшь с ней и отцом под одной крышей? Ты простил его? И её?

Я посмотрел на него, усмехаясь:

– Не выйдет ничего, Игорь. Не удастся тебе вызвать во мне ревность. Ты сам бегаешь за ней, как ты можешь простить её, если она, беременная от тебя ушла ко мне?! – я дёрнул бровями, чтобы подчеркнуть, что его поведение по отношению к Лёле куда более иррациональное, чем моё. – Что тогда спрашиваешь меня? Чего ты не понимаешь?

Он выпил ещё, я не стал, я хмелею быстро, это ему, как я вижу, эти рюмки наши как дробь о шкуру динозавра.

– Я... у меня никого больше нет, – вдруг ответил он, обезоруживающе откровенно.

Я не хочу ему говорить, что и Лёли у него нет. Сейчас, когда он так... раздавлен? Новостями о том, как родился Митя? О том, что на нас напали? Почему они так смотрели друг на друга? Лёля знает, почему...

– На себя записал сына? – уже другим голосом. – Это надо исправить.

Ну, уж... это перебор. Всё моё сочувствие смело как порывом ветра:

– Не дождёшься, – шикнул я. – Я не отдам Митю.

Он побледнел:

– Войны хочешь, «Лёнечка»? – называя меня, так как Лёля, он скривился. – Пожалеешь. Потеряешь и её и Митю.

– Ага! Помечтай, «Игорёчек»! – и я скривился в свою очередь. Ещё угрожать мне станешь!

Он смотрит на меня, сверкая глазами-стилетами:

– Я разрушу весь этот ваш райский островок, учти. Света белого невзвидишь! Или отдашь мне сына или потеряешь всё, – проговорил он тихо, и глазами своими жжёт таким тёмным огнём, рассчитывая, что я испугаюсь?

– Что ты можешь мне сделать и не потерять Лёлю? То, что она хочет видеть тебя – это не моё позволение, это пока её желание. Попробуй снова встать между нами так, чтобы она не возненавидела тебя... – уверенно усмехнулся я. – Ты сделал бы это, если бы мог! Но ты ничего против меня не можешь, вот и пынешь бессильной злобой сейчас. Везувий выдохся!

– Ты так уверен?

Он встал, бледный и строгий, засовывает руки в карманы:

– Я предупредил. Ты поднял перчатку, теперь жди моего хода. Зря ты ссоришься со мной, Алексей Кириллович.

Я засмеялся:

– А то, что было бы? Ты отстал бы от Лёли? Лёлька против десятка вооружённых бандитов выстояла, не дрогнула ни на минуту, не испугалась и не попросила пощады. И ты думаешь, я окажусь жиже неё?

Он бледнеет ещё сильнее:

– Тебе будет хуже. Подумай, но недолго, Легостаев. Или мы пойдём и оформим всё как положено или... тогда тебе и пощады просить будет не у кого. Это мне нечего терять уже, если ты отобрал у меня всё. А ты у Бога любимчик, ты очень богато одарён. Терять очень больно.

– Ты не знаешь, как это больно... – сказал я прочувствованно. Что он знает о потерях? Кого он терял?! – Ты украл у меня, а я только вернул своё. И не отдам больше.

– Ну-ну, можешь уговаривать себя, – он усмехнулся. – Пока, спасибо за водку.

Едва захлопнулась за ним входная дверь, я вошёл в спальню, словно боялся, что Стерх, уходя, уже похитил что-то у меня... Нет, нет, Лёля подняла голову от кровати, смотрит на меня огромными глазами.

– Ты... – она смотрит на меня, будто не видела давно. – Всё... всё нормально?

Я сел на край кровати:

– Ох, Лёля... что у нас нормально?

Глава 4. Тяжёлые времена...

Не успел отвалить Стерх со своими угрозами, как приехали Вера Георгиевна и Лёлина мама. Они приехали навестить нас и помочь Лёле с малышом, но в первый же вечер, когда мы остались с Лёлей наедине, она заплакала и сказала:

– Хоть бы... хоть бы уехали поскорее со своими советами...

Я обнял её:

– Достали?

– Не представляешь... «Молока не хватает», «Надо по часам кормить», «Избалуеть на руках всё время», «С собой спать не вздумай класть – приспишь», «Воды давай», «Не надевай подгузник», «укропной воды дай»... если они останутся на неделю, я сойду с ума...

Я поцеловал её волосы, ресницы, я хочу добаться до губ, но она, не настроена ни на ласку, ни на меня, ни вообще ни на что... Я отступаю, чтобы подступить позже, но всё то же... через пару дней я позвонил дяде Валере с мольбой приехать забрать мою тещу и его тещу обратно в Н-ск.

Он захохотал:

– Что, уже достали?

– Лёлька на пределе.

Он пообещал приехать на следующий день. Так и сделал, объяснив своё появление тем, что Ромашка скучает по маме.

Ромашка молчал, хотя было ясно, что ему, почти девятилетнему уже третьекласснику не к лицу уже было хныкать по маме. Он подошёл к кровати с Митей, вместе с отцом, заглянул внутрь и хмыкнул:

– И долго он такой... кукольный будет?

Отец, дядя Валера, приобнял его за плечи:

– Нет, Ромашка, это только им, – он кивнул на нас с Лёлей, – первый год будет казаться, что долго.

За те четыре дня, что в нашем доме пробыли Юлия и Вера Георгиевна, мы несколько раз оказывались с Юлией наедине. Но поговорить всё же несколько раз успели, и я удивился в который раз насколько Лёля мало похожа на мать. Во всём, в отношении к жизни, к работе, к детям, к мужчинам. Юля говорила много и охотно о себе, помня мою к ней любовь. Но это и я когда-то называл любовью. Пока не почувствовал в своей душе дыхания настоящего чувства, которым я жил теперь.

Я смотрел на Юлию и думал, как правильно, что судьба разделила нас с ней когда-то. Если бы не это, не было бы ни Алёши, ни Лёли. Не было бы Мити теперь. **И** меня не было бы. Был бы совсем другой человек. Может быть, мы с Юлией прожили бы счастливо всю жизнь, но... я не прозрел бы сердцем никогда. Свою теперешнюю несчастную, неразрешимую, мучительную любовь я не променял бы ни на какое тихое и спокойное, благополучное течение реки жизни. Соб-

ственно говоря, я отказался от него, когда разошёлся с Александрой. Вышел из этого русла и, оказавшись в бескрайнем непредсказуемом океане, куда он понесёт меня, утопит или выбросит на райский остров вновь, я не думал и не планировал. Я просто жил каждый день. Каждый час.

И всё же Юлия спросила в один из этих дней, что они провели у нас на «Суше»:

– Неужели ты, правда, ухлёстывал за Ленкой? Или это всё выдумали, когда разошлись они с Алёшей?

– Юля, у них такой костёр, что добавление бензина вроде соперников вообще взрывает всё вокруг, – усмехнулся я.

Юлия засмеялась, всё такая же красивая и даже смех, такой как раньше, уверенный, немного наглый, притягательный, как и взгляд, она знает, что хороша по-прежнему, даже лучше прежнего и эта уверенность делает её ещё привлекательнее:

– Ты стишки вместе с сыном не пописываешь теперь? Чей ребёнок-то? Мне мать так и не сказала. Ты-то знаешь?

– Алёшкин, разве не видишь? Да и не было альтернатив. Они в ссоре были только и всего, – уверенным тоном сказал я. Юля поверит, потому что Вера Георгиевна никогда ей правды не откроет.

А вот Валерий меня буравил взглядом, и чего ты хочешь от меня, так и хотелось мне спросить...

Но больше всего в их приезд мы говорили о произошедших всего за неделю до этого взрывах жилых домов. Это

чудовищное, запредельное и кажущееся неправдоподобным, злодеяние всех напугало до полусмерти, ещё и потому что становилось ясно, что ничто не спасёт, если для взрыва выберут твой дом.

Мы все не могли не говорить об этом, это затмило собой даже появление нового члена семьи, что было нормальным и ожидаемым событием, а безумие и бесчеловечность терактов, беззащитность перед злом, ополчившимся на нас, заставляло чувствовать себя беспомощным овечьим стадом. Особенно в сочетании с тем, что я знаю о том, что произошло с детьми на Кавказе. К счастью, Н-ские пребывали в счастливом неведении.

Через пару недель после их отъезда, визит к нам нанесли и мои родители, тоже радостно встретившие появление правнука. После отбытия всех наших визитёров, в нашем доме сразу стало тихо и спокойно на несколько дней. Если можно, конечно, так считать, учитывая, что Митя теперь мучился коликами и приступы не давали никому покоя, когда он надрывался подолгу в крике, от которого ничего не помогало.

Лёля почти не спала. Она уходила из их спальни с малышом в дальние комнаты, чтобы никому не мешать спать. Я застал её за этим однажды ночью, случайно проснувшись.

Я вошёл в комнату, где когда-то жил Юра, теперь же эта комната стоит, сохраняя его вещи, к которым, он, возможно, никогда уже не захочет прикоснуться, как не захотел приехать в Москву этим летом. Лёля сидела в кресле напротив

видеодвойки, в которой шёл фильм, почти без звука, кажется, «Люди в чёрном»...

– Почему ты здесь?

– Митя плакал. Я ушла, чтобы Лёня не проснулся, – Лёля улыбнулась бледно: – он с дежурства. А тут ещё дома «дежурство»...

Я смотрю на неё: прозрачная до синевы, совсем худенькая, она держит на руках бесценный свой свёрток в мягком пледе, тонкие щиколотки в шерстяных носочках, даже тапочек не надела, чтобы тише ступать и не будить своего драгоценного Лёню.

– Так нельзя, Лёля, ты совсем не отдыхаешь...

– Мне не нужен отдых, Кирюша, – она улыбнулась.

– Всем нужен отдых. Ты совсем не спишь. Я ни разу ещё не видел тебя спящей за последний месяц. А Алёшке может быть стоит на время отказаться от дежурств.

– Как же он откажется, в Склифе!?

– Значит, я помогу тебе. Я не дежурю.

– Ты каждый день на работе, тебе нельзя не выспаться тоже.

– Лёля, это и мой сын, ты не забыла?

Она посмотрела на меня:

– А если нет? Если его?

– Он твой. Поэтому мой, – я присел возле неё, возле кресла. Лёля протянула руку к моему лицу, тихо улыбаясь:

– Почему ты меня любишь, Кирюшка?

Я улыбнулся, пытаюсь поймать губами её ладонь:

– Ну... может быть потому, что ты любишь меня?..

Митя закричал, захныкал и задрожал ножками, вдыхая воздуха, чтобы заорать погромче. Лёля наклонилась к нему, умоляя:

– Ш-ш-ш, мой хороший, не плачь... ну, не плачь...

– Давай я похожу с ним, всё равно пока не прокричится не успокоится. А ты ложись, поспи, – сказал я...

– Кирюша...

– Я всё равно уже не сплю. И потом, я не могу смотреть, как ты таешь. Пойдём, – я поднялся и взял орущего мальчика на руки. Но Лёля, вставая с кресла, покачнулась, и я свободной рукой обнял её...

Она уснула, кажется, до того как её голова коснулась подушки в моей спальне. В их комнату мы не пошли, оберегая Алёшкин сон, я «на автопилоте» пошёл к себе, а Лёле было уже всё равно...

Не всё равно стало Алексею, когда утром он застал её спящей в моей постели и Митю при ней.

– Что это значит?! – спросил он, сверкая на меня глазами. – Что это такое?! Один мне тут войну объявляет, и ты ещё подкапываешься? Внутренний враг?!

Я посмотрел на него, отвлекаясь от плиты, на которой готовил завтрак нам с ним обоим:

– Знаешь что, мой мальчик, ты мне выволочек не устраивай, если мне надо будет, я не стану у тебя на глазах устраивать...

ивать свои любовные дела! Лёле нужна помощь. Надо освободить её от домашних дел и давать ей отдыхать. Она не железный робот. Заболеет от усталости, что делать будем?

Он нахмурился, глядя на меня, глупый гнев его подтаял:

– Хорошо, я согласен со всем. Но... в твоей постели ей не место.

Я не сказал ничего. Эта ночь была одной из лучших ночей за последние полгода. Лёля была рядом. Я чувствовал её, её дыхание, её тело, её тепло, её сны витали около моей головы. Я мог обнять её. Я мог целовать её волосы. И хотя она почти не чувствовала этого, погружённая усталостью в слишком глубокий сон, я наслаждался уже и этим. Но Алёше я этого не скажу, разумеется...

– Ты сказал: «один объявляет мне войну», ты виделся со Стерхом? – спросил я, вспомнив, что же меня так царапнуло в его словах.

– Виделся, он был здесь.

– И ты упёрся?

Теперь Алёша ничего не ответил.

– Ты как мальчик в песочнице, Алексей.

– Он сам... – вспыхнул Алёша.

– Ну да: «сам дурак», – я покачал головой. – С тех пор его не было?

– Я ничего не слышал с тех пор.

– Будем надеяться, что Лёле удастся...

– Лёле... ты думаешь... ты хочешь сказать, что она встре-

чается с ним тайно?! – опять засверкал глазами Алёшка.

– Угомонись, – сказал я. – Пусть встретится, только она сможет найти дорогу для всех.

Я встречалась с Игорем. Мы виделись несколько раз. Я приехала к нему домой с Митей, я знала, что они плохо поговорили с Лёней. Нельзя допускать вражды, это грозит всем нам крахом. Поэтому я согласилась на все просьбы Игоря, чтобы он только убрал все свои мечи в ножны и зачехлил ружья, чтобы подождать:

– Мите пока всё равно, подожди, Игорь, Лёня уступит, поймёт, что это неразумно и уступит. Я уговорю его. Или Кирилл уговорит.

– Вон что?! Так профессор тоже не против, чтобы восторжествовала истина? – удивился Игорь. – С чего бы это?

Я не стала больше ничего говорить, опасаясь, что он уцепится за мысль о Кирилле. Во всей этой мужской компании только Кирилл, только он один ещё щадил меня, не устраивая сцен ревности, не требовал любви и ласки. Остальные, включая Митю, видимо, сговорились угробить меня своими растущими с каждым днём требованиями, придирками, капризами и недовольством.

Игорь настоял, чтобы мы купили кроватку в его квартиру, «чтобы у Мити была своя комната». Я согласилась и на это. Мы отправились выбирать. Когда мы были в магазине, встретили там Мымроновну. Увидев меня, она подошла, оглядела

Игоря с Митей на руках:

– Замуж вышла, поздравляю, – ухмыльнулась она. – Или муж и раньше был? – прибавила она, когда Игорь, поздоровавшись, отошёл, думая, что она моя хорошая знакомая, и я не против поговорить с ней. – Сколько ребёночку-то? – она пробуравила меня взглядом. – Кирилл знает?

– А вы... что в этом магазине для малышей?

– У Кирилла внук родился. Вот хочу подарок от кафедры подарить. Посоветуешь, может быть? – она усмехается, продолжая сверлить меня бормашиной своих тёмно-карих глаз.

– Не думаю, что вам подойдут мои советы, – сказала я, сбежать бы поскорее...

– Да уж, наверное, – высокомерно хмыкнула Мымронова, – будь здорова, а то что-то с лица спала совсем.

Я долго готовился к тому, чтобы спросить Лёлю о том, что было там, в её Лысогорской станице. Она только повела бровями:

– Ничего особенно интересного, ничего такого, о чём я хотела бы вспомнить и рассказать тебе. Ничего такого, что было бы страшнее, чем взрывы домов.

Она посмотрела так, будто считает, я виноват в чём-то. Когда я спросил, она ответила:

– Но ведь вы знаете так много, неужели не могли предотвратить? Ты не понимаешь разве, что...

– Лёля, неужели ты думаешь, если бы могли предотвра-

тить, не сделали бы этого?

– Ты скажи мне! – она обожгла меня взглядом. – Ты из тех, кто знает больше всех. Ты не из нас, не из стада. Это нас пришли насиловать и стрелять и не прятались даже, они не считывали ни на какое на сопротивление... А здесь, взорвали несколько домов со спящими людьми... Как может быть, что никто не знал? Столько взрывчатки, что можно тайком провезти и заминировать дома, чтобы никто не заметил?! – разгорячилась она.

Мне больно от её упрёка. И я понимаю её чувства, я согласен с её словами, но что я решаю? Лёля, я знаю, но решения принимаю не я. Не я, ты-то знаешь...

– Предателей по-прежнему слишком много, – сказал я. – И продажность повсюду. Продажность, возведённая в философию. Это как Змей-Горыныч о двенадцати головах. Одну голову срубаешь, на её месте вырастают две. Пока мы огненный палец, что их плодит, не отрубим, не сможем победить. А пальцев этих не один, а множество. И не все их мы знаем...

– Так рубили хотя бы те, что знаете! – воскликнула Лёля со слезами в голосе, не осознавая даже, что её упрёки для меня хуже любой пытки.

Господи, Лёля...

– Прости меня, – сказал я. – Прости, что я всего лишь спица в колесе, что я не ось, вокруг которой вращается колесо событий... Но и оси, полагаю, сейчас ещё непросто, пока она спицы все заменит с прогнивших на надёжные... Сама

видишь, вторая война объявлена, «мочить в сортирах», обещано...

– Что ж ещё можно обещать после такого... Думаю, даже слов других он подобрать со злости не смог...

Я улыбнулся:

– Полагаю, да...

Золотая осень засыпает город прощальными письмами от солнца в виде опадающих жёлтых листьев. Они кружат по утрам в скверах и парках, и обрываемые ветром, падают на ещё тёплую землю. Ещё тёплую, даже инея не бывает пока по утрам. Мы гуляли с Лёлей и с коляской с Митей по дворам вокруг их дома, парков и скверов там поблизости нет.

Чувствуя настроения Лёли, я ни разу не пытался коснуться её так, чтобы она поняла, до какой степени я изнываю от желания к ней. Я не хочу оттолкнуть её. Я продвинулся гораздо дальше, если дождусь, пока она придёт в себя после того, что было на Кавказе, даже просто отдохнёт немного. Тогда и наступит моё время для атаки. Тех нескольких фотографий, что есть у меня, достанет, чтобы превратить рай, в котором так отлично себя чувствуют её Легостаевы, в кипящий ад. Митя никуда не денется от меня в любом случае, но мне нужна его мать.

Вышел мой роман, и я подарил ей экземпляр. И даже расхаживал по магазинам, благодаря удачной обложке и тому, что я не поскупился нанять людей, которые следили за тем,

чтобы в магазинах и на развалах рекомендовали мой опус.

Лёля порадовалась за меня, особенно, когда я сказал, что это только благодаря ей. И более того, что я пишу следующий.

— О чём этот?

— Снова о тебе. Нет ничего другого в мире, что так интересовало меня.

Лёля улыбнулась. Всё же она принимает мою любовь, ей приятно осознавать, что у неё есть я. Ты поймёшь, что я подхожу тебе гораздо больше, чем твои Легостаевы с их неразрешимыми противоречиями. Тем более что у нас с тобой Митя.

А Митя всё дольше бодрствовал теперь, требуя ещё больше внимания и отдачи. Он переворачивался уже с животика на спинку, всю улыбался, хватал себя за ножки и узнавал знакомые ему лица.

К первому снегу я изнывал уже от хронической неудовлетворённости. Теперь Лёля не отказывалась от близости, но, по-моему, не испытывала никакой радости от неё. Этого не было никогда раньше. Между нами всегда было то, что и позволяло мне заносчиво говорить, что у нас нет секса. А теперь секс как раз и появился. Только он был у меня, а для Лёли это стало какой-то чуть ли не тягостной обязанностью, вроде мытья полов. Я не привык к этому, я теряюсь в мире, где такова стала реальность и начинаю сходить с ума... Я не хочу

так жить, это не жизнь, но изменить я ничего не могу...

Ноябрьские праздники, которые теперь праздновали не 7-го, а 4-го ноября и праздновали не всем понятно что, прошли у нас, как и всегда – просто мы, я и отец, были дома. От дежурств я отказался, чтобы иметь возможность помогать Лёле, походы в детскую поликлинику на взвешивание и осмотры в месяц и в два, теперь подходил третий месяц. И сносил теперь насмешки своих коллег, которые называли меня «кормящей мамашей», но я не обижался.

Но по ночам Лёля ни разу не будила меня. Отец вставал, брал у Лёли Митю и укачивал. А она могла спать в это время. Отец полюбил купать Митю каждый вечер, это стал его любимый ритуал, которому не мешали ни я, ни Лёля. Ей, по-моему, было приятно, что он возится с Митей. А я кроме всего прочего, работал над диссертацией, заняв под это целую комнату, которую завалил материалами: собственными записями, журналами и компьютером, и продвинулся уже значительно, моей работе не мешало ничто, как ни странно. Я умел отвлекаться от всего.

Однажды Лёля упомянула, что видит Стерха. Случайно, у нее, по-моему, просто вырвалось. Говорила о том, как застал дождик на прогулке и...

– И... часто вы видите? – спросил я, чувствуя как мой «чайник» начинает греметь крышкой, закипая.

– Не цепляйся, Лёня, – скривилась Лёля.

– Не цепляться?! – меня возмутил больше всего не факт

их встреч даже, а пренебрежение, с которым она произнесла это своё усталое «не цепляйся».

– Господи, начинается... хватит орать, Митю разбудишь! – прошипела она.

Я разозлился ещё больше, потому что, я и не думал орать ещё.

– Не орать?! Как не орать?! Вот так?! – тут я по-настоящему повысил голос в расчёте разозлить её.

– Спятил? – Лёля подошла к кровати и заглянула в неё.

– Да спиathiшь! Ты видишься со Стерхом, что вы там делаете с ним?! Поэтому ты и не кончаешь со мной больше?! Всё, он приступил к боевым действиям?!

Лёля побелела, оборачиваясь ко мне:

– Вот придурок! А может потому, что я сплю по три часа в сутки и то часто не подряд?!

Последние её слова потонули в Митином крике. Всё же мы разбудили малыша...

– Иди отсюда, дай мне укачать ребёнка! – рыкнула Лёля, наклоняясь к нему.

– Ну, конечно, отличная отмазка от всего, даже от разговора!

Я вылетел из спальни, изо всех сил хлопнув дверью.

– По башке себе стукни, может дурь вылетит! – услышал я её крик за спиной.

Отец застал меня на кухне, когда я трясущимися от злости руками, разбил чашку с блюдцем, доставая стакан, что-

бы попить воды.

– Что опять? – спросил он, скорчив гримасу.

– Опять?! Да всё тоже! Она любит только его, только Митю!.. Да ещё его отца, чтоб он провалился! Романчики, гад, ещё выпускает! Видел? Вон на полке стоит у неё! – я махнул рукой, показывая, где полка, на которой стоит этот роман... – Я заглянул. Знаешь о чём? О девушке, по имени Лена, о её любовных злоключениях и как она, в конце концов, после множества перипетий и ошибок, возвращается к тому, «кто всегда её любил»! – я чуть не раздавил стакан в руке.

– Алексей, ты чего хочешь? – вздохнул он. – Я понимаю, что... да и Лёля неправа по-своему, но ты-то умный, и ты уже взрослый, ты не понимаешь, что сейчас сама Лёля не Лёля, а только приложение к Мите? Потерпи немного, немного, будет малыш постарше, и сама Лёля в себя придёт... Сам говорил, что пережить ей пришлось перед его рождением. Что ж ты думаешь, всё бесследно прошло? Насилие, это для любой женщины надолго отключит все желания. А тут ещё бесконечная усталость и вообще заикленность на ребёнке... Давай няню наймём?

Он прав во всём абсолютно. Я вздохнул, допил свою воду и, вытирая губы, сказал:

– С этим предложением она меня в прошлый раз чуть поедом не съела, так злилась. «Чужая тётка будет его улыбку ловить? Будет касаться моего мальчика своими равнодушными руками»... ну и так далее...

– Успокойся, включи мозги, не поддавайся дурацким эмоциям, что рвутся из штанов. Стерх он умный и хитрый, он уже обыгрывал тебя, не дай ему победить снова, теперь у него ядерное оружие в виде сына.

Я посмотрел на него:

– Ты же говорил, что Стерху не отдашь её, если что, забереешь себе. Что теперь? Не получилось? Кишка тонка?

Отец сверкнул глазами:

– Ты меня на «слабо» не бери. Я, в отличие от тебя, мальчик по-настоящему взрослый, и не пытаюсь влезть в корзину сдувшегося воздушного шара. А ты мало того, что сам забрался, так ещё и мешки со своими комплексами натащил.

– Боже-Боже, какое образное мышление у всех, куда деваться?! – злюсь я.

– Подежурь сходи, отвлекись от дома, не доставай всех. Лучшее лекарство от недовольства женой – работа, вот иди, поработай.

Отец, возможно и прав, может быть, действительно, вместо того, чтобы больше торчать дома, мне лучше...

Часть 17

Глава 1. Как часто слепы ревности глаза...

Но стоило мне только подумать о том, чтобы опять начать дежурить, как на следующий день я получил конверт. Среди прочих конвертов, что приходили на моё имя в Склиф, с документами и литературой, что я заказывал во множестве, в том числе и заграничных журналов, я быстро освоил английский, чтобы читать их, поначалу со словарём, но через пару недель в словарь я почти не заглядывал.

Раскрывать всю свою корреспонденцию я привык только дома, во-первых: на работе для этого не было времени, во-вторых: спокойно разобрать и рассмотреть, распределить по значимости можно было только дома в моём импровизированном кабинете, заваленном стопками бумаг, в которых разбирался только я, не позволяя там убраться даже Зое Васильевне.

В этом плотном сером конверте без штемпелей, только с моим именем оказались только фотографии...

У меня захлестнуло грудь горячей волной гнева. Мой отец, «взрослый мальчик» и Лёля... очень красноречиво.

...Он стоит на коленях посреди многолюдной, очень знакомой улицы, Лёля, делающая шаг к нему с испуганным почти лицом, ещё беременная тогда, но с небольшим животом. Это... весна что ли?..

Но есть ещё куда хуже, через окно снятое: они целуются на постели, она обнимает его, и она его целует... они одеты, но они целуются, и они в постели!

Лёли нет дома – она ушла гулять с Митей, как каждый вечер. Всё по расписанию, кроме кормлений, которые происходят, по-моему, вообще непрерывно, он всё время у её груди днём и ночью. Но отец дома уже, в своём кабинете. Самое рабочее время и у него и у меня – ранний вечер.

Я вошёл к нему. Перед ним горящий монитор, а на нём очередные страшненькие картинки больной кожи.

– Алексей, взгляни, пытаются выдать обычный люэс за... – он повернулся ко мне с довольной улыбкой, собираясь поделиться сделанным им если не открытием, то интересным фактом.

– Лучше ты взгляни сюда! – я со шлепком плеснул фото на стол перед ним.

Он посмотрел, не касаясь, фотографии большие, чуть рассыпавшись, видны все, их много, но сюжет однообразен, так что сильно приглядываться не надо.

– И что? – сказал он, подняв глаза на меня, спокойный, но не улыбающийся, конечно, уже.

– «И что?»?! – я загорелся фитилём к бомбе. – Ты изде-

ваешься?! Что это такое?! – у меня сами собой стискиваются кулаки. – Что это значит?! Вы у меня за спиной продолжаете свою связь? Ты и она?! Где это?!

– Это Арбат, – всё так же невозмутимо проговорил отец, отвечая только на последний вопрос, нарочно, чтобы взбесить меня ещё больше?.. – А что это значит... да ничего для тебя нового это не значит. Стерх делает всё, что может, чтобы вас посорить, вот и всё. И нас с тобой заодно.

– Ничего нового?! – у меня ощущение, что у меня не то, что мозг, у меня волосы горят на моей бедной, готовой взорваться голове. – Ты издеваешься? Ты... Ты и сейчас... – я задыхаюсь. – Ты и сейчас продолжаешь это делать?!

– Охлони! – твёрдо и спокойно сказал он, продолжая смотреть на меня синеватыми глазами. – Я уже говорил, я тебе не соперник, – сказал отец, глядя на меня.

– Ты мне не соперник?! Ты сейчас насмехаешься надо мной, я не пойму?! Ты с моей женой целуешься в постели, и ты не соперник?! Ты стоишь на коленях перед ней – это что, не любовь?!

– Любовь, – невозмутимо подтверждает он, спокойно глядя на меня. Убить его, может?.. – Это любовь, Алексей. Благословение и проклятие одновременно. Если бы я не узнал Лёлю... Тебя и её, моя жизнь так и осталась бы жизнью среднестатистического удачливого паразита.... Я бы никогда даже и не понял как я жил... Но... это моя любовь, не её. Будь у меня хотя бы один шанс против тебя, Алексей, ты никогда не

увидел бы Лёлю... Но ты мой сын... Ты мне дорог настолько, что я не встану между вами, – он вздохнул и улыбнулся немного, – и я имею достаточно этой любви, чтобы не брать, а давать. Я даю Лёле жить так, как хочет она. Только с тобой она счастлива и только тебя она любит...

В его глазах тёмное облако, ноябрь, вот этот самый, что завывает за окнами холодным мокрым ветром, гнетёт низким беспросветным небом, в моих такого и не бывало никогда...

– Послушай меня, Алёша, – продолжил он, – не играй по правилам и на доске Стерха. Он обыграет, у него все фигуры, у тебя только одна – но самая сильная, единственная способная противостоять его хитрости, не отдавай её в руки противника. Лёлина любовь только у тебя.

– Лёлина любовь... Господи, если бы это было так!

– Побойся Бога призывать! – отец повысил голос, сверкнув глазами. – Мозги включай, хотя бы иногда! Как можно быть таким умным и таким дураком вместе!

Я не мог не выматериться, выходя из кабинета этого наглого и уверенного чёрта, который заделался моим отцом.

– Не вздумай устроить Лёле сцену на эту тему, – сказал отец мне в спину.

Я даже вернулся:

– Что?! Промолчать? – почему я ещё не расквасил ему лицо?

– Меня послушай! Я скажу Лёле. Я сумею сказать так,

что не поздоровится Стерху, а ты только оттолкнёшь её ещё. Только промолчи, остынь. Послушай меня хоть раз.

– «Остынь»?! – я ударил кулаком по шкафу, что был возле двери, так, что отворилась дверца с жалобным скрипом.

Он посмотрел на шкаф нарочито внимательно:

– Шкаф из дуба, выстоит, можешь колотить, сколько влезет, – невозмутимо сказал отец, – а лучше, прогуляйся пойдёшь или подежурь, подмени кого-нибудь, сделай доброе дело и себе и коллеге. И Лёле.

– Лёле?.. А ты её пока тут в оборот возьмёшь? – докипаю я.

– Я не дам это сделать Стерху. И тебе стать его орудием не дам. Всё иди, давай. Надоел, Отелло белобрысый.

Он развернулся на своём стуле опять к столу.

Отелло, Боже... Я был Отелло даже во времена, когда ничего и ничего серьёзного не маячило на нашем с Лёлей горизонте... А сейчас... Конечно, я не послушался. Я готов был убить и его, и Лёлю, и хотя уйти сейчас, может быть, было самым правильным и разумным, я не мог быть разумным... Я мог только пойти встретить Лёлю с прогулки. Только когда Алёша вышел из комнаты, я позволил себе рассмотреть фотографии. Я сохранил бы их, это красивые кадры. И дорогие для меня моменты...

Стерх прокололся. С его стороны ошибка присылать эти фото Алексею. Ясно, что Лёля увидела бы их и поняла, кто мог нас снять и кто переслал её мужу. И может она не разо-

злиться после этого? Если до сих пор Стерх вёл себя очень хитро, просто идеально, то этот поступок... это свидетельство, что он потерял контроль.

Мне легко понять его. Мне проще. Я рядом с ней. Он не может отказаться от неё. Я думал из-за Мити только, но, этот его поступок свидетельствует, что Митя для него только повод притянуть её к себе, заставить её видаться с собой. Но если Митя мой сын?.. Тогда какого лешего я терплю вообще его присутствие в нашей жизни?! Эта жизнь впятером, действительно, начинает доставать. И если Алёша бесится открыто, выпускает пар, то я вынужден скрывать свои чувства. Я вынужден видеть и слышать, как они счастливы, но это плата за то, чтобы просто быть рядом с ними, с Алёшей, и с Митей и, особенно, с ней, с Лёлей...

Всё так хрупко. Я терял Лёлю столько раз, я знаю, какво без неё, и рисковать потерять её опять... я готов на что угодно, только бы она была рядом.

И всё же, я радуюсь, эгоизм никогда не умрёт в человеке, Стерх этим посланием сдал мне козыри в руки. Как до сих пор каждой своей придиркой Алёша подталкивает её ко мне. Они оба сделали больше, чем могли сделать все мои мольбы и любые ухищрения. Как Лёле не любить меня, когда с двух сторон её осаждают ревнивец и интриган... Мне стало даже весело. Хороший сегодня день.

Сегодня сухо, подморозило за ночь, под ногами похру-

стывает ледок – вчерашний дождь замёрз, впитавшись с асфальт, в его трещинки и поры. Пахнет влажным холодным дымом, висящим в воздухе по всему городу – жгут последние листья. Большие и маленькие кучки могилками прошедшего лета дымятся, сообщая атмосфере особенный неповторимый аромат поздней осени. Я люблю этот запах, запах угасающей жизни перед наступлением кристальной зимы...

Со мной гуляла сегодня Люся, обычно немногословная и спокойная, обычно она рассказывала о работе, о Стёпе, иногда мы шутливо обсуждали Милу или наших мужей и их проделки. Но сегодня вдруг расплакалась:

– У Юрки роман с медсестрой!

Оставив ручку, коляски я обняла Люсю:

– Это, может быть сплетни, Люся, не верь! – сказала я, понимая, что Люся не стала бы говорить, если бы не была уверена. Это Мила могла болтать, Люся – другое дело. Поэтому я сказала: – Ты поговори с ним, в вашей паре всегда было взаимопонимание и любовь...

– Взаимопонимание? – Люся посмотрела на меня, переставая плакать. – Это мы такое впечатление производим?! – она усмехнулась кривовато своими красивыми губами. – Это не взаимопонимание, это моё понимание и снисходительность к его «мелким слабостям», как он говорит. И я мирилась бы и дальше, если бы... Ох... – Люся отвернулась, хмурясь и бледнея. – Она звонит мне и требует, чтобы я отпустила Юру, чтобы они могли быть счастливы вдвоём! Так нагло

не вела себя ещё ни одна!

– Ни одна? – удивилась я. Получается их много?..

– А ты что думаешь? – спокойно сказала Люся, слёзы уже высохли совсем, она смотрит на меня взросло, будто она старше меня на несколько лет. И смотрит так, будто злится, будто я виновата в чём-то перед ней... – Ты думаешь, только Лютер знаменит тем, что перетрахал всех шлюшек и нешлюшек в Склифе?!.. Один Серёжка Милкин приличный ещё тип, может и позволяет себе, но всё по-тихому... Все они, хирурги... – она небрежно махнула рукой, – тем более скорпомощные, как твой, что ты хочешь... стрессы и ощущение себя богом очень способствует разврату. Это они не выступали давно... – она будто потухла. – Я так устала, Лёль...

– Причём тут хирурги? Я тоже хирург... – я попыталась оборонить сразу всех.

– Ты... да это совсем другое. И что ты сравниваешься, Господи?! Тоже мне... – скривилась Люся пренебрежительно, намекая, конечно на мой пол.

Я слушала её и не верю ушам. Запертая в свои переживания и проблемы я не замечаю мира вокруг. В то, что Лёня так же ведёт себя, как говорит Люся мне трудно поверить, но, может быть, я не вижу, потому что не хочу видеть?

– Я уйду от него, – продолжает Люся. – Пусть она получит его со всеми его проблемами. Она думает, он подарок небес? Вот и пусть ест его теперь с кашей...

– Боже мой, Люся... а ты...

– У меня ещё год ординатуры, доучусь и поеду до дому, как у нас говорят. А пока пойду жить в общагу, в ясли устрою Стёпу. В свою комнату пустишь меня?

– Господи, Люся...

– А кстати, чем у Лёньки кончилась та история с Олей и ребёнком? Он алименты платит или участвует? Как ты простила-то его?.. хотя вы тогда... Я не смогла бы, наверное, так гулять – одно, а ребёнок...

– С ребёнком... – я даже забыла, так давно это всё было, так далеко сейчас от меня. – Не его ребёнок. Она обманывала. Замуж вроде вышла уже.

Люся рассмеялась невесело:

– Во как! Уметь надо! А мы-то лохушки провинциальные...

И вот тут появился Лёня. Он шёл к нам, немного бледный и, очевидно, во власти каких-то пока мне непонятных злых эмоций, потому что прятал сверкающие глаза, он сверкал ими издали, когда только увидел нас, но приблизившись, погасил взгляд. При Люсе не хочет ругаться или просто передумал? Или мне мерещится, что он хотел ругаться?..

Заплакал Митя и я затрясла, качая, коляску, глядя на мужа:

– Ты что?

– Темно почти, решил встретить вас, – сказал он, но, будто, сквозь зубы. – Привет, Люсинда.

– Привет-привет, – блёкло улыбнулась Люся. – Я пойду,

ребята, замёрзла. Да и свекровь не любит, если я вовремя не прихожу домой.

– Люсь... ты... не руби с плеча, не спеши! – беспомощно сказала я, немного недовольная, что Лёня помешал нам закончить разговор.

Люся только улыбнулась в ответ, обернувшись через плечо.

– Что ей не рубить с плеча? – спросил Лёня, когда Люся уже порядочно отдалилась.

– Юрка... в общем, у них третий лишний, Люся думает, что она.

Лёня пожал плечами:

– Я давно не видел Юрку, – немного рассеянно проговорил Лёня, не глядя на меня. – Как отпраздновали после приезда рождение Мити, так и... Что он... но это несерьёзно я уверен, он Люсю любит... А может, вообще ничего нет, а ей наврали? – кажется, он рад говорить о чужих проблемах. Хорошо, что они не только у нас...

– Я тоже надеюсь. Не хотелось бы, чтобы они разошлись, – мы смотрели вслед уже почти не видной в сумерках Люсе. – Почему вы не играете давно? – спросила я.

– Все заняты, работа, семьи... Может, стареем?

Я засмеялась:

– Конечно!

– Давай возьму его на руки, может, не будет так орать? – сказал Лёня, не смеясь, подходя к коляске сбоку. Чем он так

озабочен, не могу понять...

– Да домой надо, что уж...

– Вот я и понесу. – Лёня посмотрел на меня, словно хочет увидеть что-то, что я прячу от него.

А я смотрела, как он достаёт Митю, в виде пухлого орущего кулька, на его руках малыш сразу начал успокаиваться. Митя любит его руки даже больше, чем мои.

Митя молчит и смотрит на меня из глубин тёплого кокона одеяльца и конверта, из-под отворота шапочки. Я нарочно взял его на руки, чтобы унять бушующую во мне злость и ревность. Что умиротворяет лучше, чем вот это взаимодействие с ребёнком? Маленьким, тёплым, смотрящим на тебя блестящими глазами? Милым и любимым, что растёт у тебя на глазах, чьё дыхание ты привык слышать по ночам и чей плач узнаешь из сотен?.. Мое сердце потеплело.

– А вообще я вспомнил, Юрка звонил как-то, спрашивал про Склиф, есть ли вакансии. Может перейти к нам хочет? – сказал я, хотя, может, это я сейчас выдумал?

– Ужин есть у нас? Я не помню что-то, – говорит Лёля и дальше мы болтаем о насущных делах, подгузниках и детском шампуне, о том, что послезавтра Мите четыре месяца, а значит снова идти в поликлинику, мы всегда ходим вместе, а значит, для этого мне надо освободить день, поликлиника недалеко от дома, поэтому мы ходим пешком, заодно и гуляем.

Я держусь мирного русла нашего разговора, стараясь не

воспроизводить в памяти картинки, что мне прислали сегодня...

– Ты давно видела Стерха? – спросил я, когда мы вошли в подъезд.

– Дня... четыре назад, – сказала Лёля, оставляя коляску на привычном месте на нижней площадке, где было предусмотрено место для этого, для велосипедиков и санок, в том числе, и где я за все эти годы ни разу не видел, ни одного из перечисленных предметов. Ни в подъезде, ни во дворе давно не было маленьких детей. – Слушай, Лёнь... только, как говорится, «без сердца», надо закончить этот конфликт...

Думаю, Лёля по моему лицу поняла, что разговор бесполезен и замолчала.

Ещё бы, у него побелели костяшки пальцев рук, которыми он держал Митю...

Но как я хочу закончить конфликт? Заставить Лёню признать отцовство за Игорем?

Но если отец Кирилл? Отнять сына у него?

Не надо ничего решать. Лёня прав. Митя его, потому что он мой, вот и всё решение... мне вдруг стало необыкновенно легко:

– Ладно, извини, – проговорила я.

И всё же разговор этот закончить надо. Надо, чтобы Игорь получил то, на что он считает себя вправе, иначе, если его терпение лопнет... Но что значит, он считает себя вправе?.. А Кирилл? Он ни разу не заикнулся о том, чтобы требовать

прав на Митю. Ради Лёни он будет молчать всю жизнь, но если отнимут Митю?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.